У-8°
МК
66-Б
Броом, Ж.

ЛЮБОВНИКИ
ФИЛОСОФЫ,
или
СТРАСТЬ
ПРЕДВОДИМАЯ
РАЗСУЖДЕНІЕМЪ,

переведена

съ

ФРАНЦУЗСКАГО.

Часть первая.

Печатана при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ
1766. года.

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА
96219-49

ЛЮБОВНИКИ ФИЛОСОФЫ,

ИЛИ

СТРАСТЬ ПРЕДВОДИМАЯ РАЗСУЖДЕНІЕМЪ.

Часть I.

* * *

Любопъ есть страсть слѣпая, пыборъ которой всегда на удачу бываетъ, ежели разсужденіе не подастъ ему своей помощи.

Мерендорь и Дамонъ издавна жили въ великой дружбѣ. Мерендорь, присово-

куплял къ виду благородному нравъ снисходительной, справедливое разсужденїе и дүшу щедрую, подражалъ уставамъ философїи, заключая въ томъ настоящее благополучїе. Сїе достохвальное наименованїе Философа украшалъ такими качествами, которыя привлекали отъ всѣхъ къ нему любовь и почтенїе. Стараніе просвѣщать себя, служило ему пріятнѣйшимъ упражненїемъ; совершенное жъ познанїе человѣческихъ нравовъ причиною было, что онъ прилѣжно убѣгалъ сообщенїя съ ними.

Корень тѣхже добродѣтелей произрасталъ и въ Дамоновомъ сердцѣ; только онъ, будучи меньше своего друга Философъ, имѣлъ всѣ свóйства быть таковымъ же; но не достигъ еще той степени совершенства, которая Мерендору отъ всѣхъ любовь и почтенїе заслужила. Дамонъ, не зная еще случая испытать владычества страстей, не имѣлъ никакóва и оружїя къ сопротивленїю оныхъ, столь мало разные два нрава могли быть соединенны дружбою; но любовь предуготовляла имъ судьбину по ихъ достоинству такую, которая долженствовала ихъ прославить и обязать еще большею дружбою.

Не далеко отъ дому Дамонова жила одна молодая женщина, которой нѣсколько

ко наружныхъ пріятствъ составляли все ея достоинство [Емилія есть ея имя]. Совсѣмъ тѣмъ, что она была въ цвѣтущей молодости, но была коварна, хитра и чрезвычайная кокѣтка. „Сихъ пороковъ довольно бы, кажется, было для „отвращенія Дамона: естьлибъ вседневные примѣры не были намъ свидѣтели, сколь много слабости повелѣваютъ „добродѣтельными людьми! Дамонъ же „имѣлъ нещастіе собою то испытать, „подвергнувъ себя совсѣмъ хитростямъ „Емилінымъ.

Мерендоръ не умедлилъ примѣтить, что нравъ друга его перемѣнился. Противность къ наукамъ, въ которыхъ Дамонъ до тѣхъ поръ упражнялся неусыпно, и не столь прилѣжное стараніе быть съ нимъ вмѣстѣ; паче же всего, видъ задумчивой и смущенной, безсомнѣнно утвердили Мерендора, что страстная любовь удаляла отъ него дружеское сердце. Сначала Мерендоръ внутренно извинялъ Дамонову слабость, щитая то ослѣпленіе его къ женщинѣ, одаренной достоинствами; но удивился съ горестію, какъ свѣдалъ отъ самаго Дамона, что Емилія побѣдила его склонность.

„Какъ! Дамонъ ослѣпленъ кокѣткою, „упрекалъ онъ ево съ огорченіемъ! Мо-

„ гуль я вѣрить твоимъ рѣчамъ, малораз-
„ судной другъ? Куда дѣвалось твое раз-
„ сужденїе „? Но тщетно вооружалъ Ме-
рендоръ все свое цѣломудрїе и добродѣ-
тель; ибо когда Дамонъ позналъ искрен-
ность его наставленій, то не въ состоя-
нїи былъ принудить себя въ томъ при-
знаться. И чтобъ свободиться стыда,
претерпѣваемаго отъ присудствїя его и
упрековъ, сталъ рѣже видѣться съ нимъ;
причину чему узналъ Мерендоръ.

„ Убѣгай меня, я согласенъ въ томъ,
„ сказалъ ему Мерендоръ, мое спокойствїе
„ столькожъ какъ и твое зависитъ отъ
„ того; мнѣ дорого будетъ стоить ви-
„ дѣть тебя упорствующагося въ твоемъ
„ заблужденїи; молчать же того не въ
„ силахъ буду, и вскорѣ казаться тебѣ
„ буду докучнымъ другомъ: но Дамонъ,
„ для имени той дружбы, которой мы
„ всегда подражали. Когда ты столько
„ слабъ, что покоряешся легкомысленно
„ страсти, вредной сердцу и разуму, по
„ малой мѣрѣ сохрани долгъ чести. Лю-
„ бовь твоя ни что еще иное, какъ сла-
„ бость, не допускай ея быть порокомъ.

Дамонъ болѣе осердился, нежели поправился отъ сего премудраго нравоученїя; повинуясь же своей страсти, сталъ признавать Мерендора безпокойнымъ

нымъ другомъ, и нечувствительно убѣгать тѣхъ мѣстъ, гдѣ только съ нимъ могъ встрѣтиться.

Оба они обыкновенно по нѣскольку разъ въ недѣлю съѣзжались въ домъ, къ Уранїи, молодой вдовѣ, отмѣнной въ достоинствахъ и разумѣ. Совершенная похвала произвела между ею и сими двумя друзьями дружество искреннее; сходствомъ же мыслей вседневно оное умножалось. Уранїя нечувствительно въ Дамона влюбилась. Любя же его, не надѣялась въ немъ найти такой любви къ себѣ, какую къ нему имѣла; и такъ довольствовалась одною дружбою, которую къ ней онъ являлъ. Дамонъ поступокъ свой съ ней употребилъ такойже, какъ и съ Мерендоромъ. Пересталъ къ ней ѣздить; Уранїя стала спрашивать у Мерендора о причинѣ того, которой ей разсказалъ все приключившееся между имъ и Дамономъ.

Безполезно стараться овладѣть сердцемъ нечувствительнымъ, очень прискорбно; но будучи влюбленной видѣть побѣдительницей соперницу, ни съ чемъ не сравненно огорченїе: та была судьбина Уранїина; поступокъ Дамоновъ огорчилъ ея, она печаль законную имѣла, видя женщину достойную презрѣнїя, предпо-

чтенну себѣ. „ Дамонъ, неблагодарной „ Дамонъ, говорила она вздохнувъ, не „ довольно того, что ты лишилъ меня „ сердца своего, и надобно, чтобъ я сты- „ дилась той, которая меня лишить „ могла?

Мерендоръ сомнѣвался уже въ любви Уранїевой къ Дамону; но не имѣлъ еще такого яснаго доказательства въ той; въ сей же случай старался ея однимъ разсужденїемъ разговаривать, зная въ ней твердость отличную передъ прочими женщинами: „ Уранїя, сказалъ онъ, пожа- „ лѣемъ о Дамонѣ, внутренно погрустимъ „ о ослѣплепїи его, но станемъ стараться „ ся, чтобъ не смутить и своего духа; „ естьли онъ рожденъ съ склонностью „ добродѣтельной, то онъ, почувствуя „ свою слабость, скоро въ раскаяніе при- „ детъ, и обратится къ намъ; естьлижъ „ въ заблужденїи останется, его забу- „ демъ.

„ Я разумѣю съ какимъ намѣренїемъ „ ты сіе говоришь, равномѣрно какъ и ты „ разумѣлъ мои рѣчи, отвѣчала Уранїя „ смущенно отъ того, что измѣнила тай- „ нѣ своего сердца; жалѣй о мнѣ, добро- „ дѣтельной другъ, но не лиши меня своей „ эстимы!

Нѣкто,

Нѣкто, пріѣхавшей въ самое сіе время, помѣшалъ Мерендору вывесть Уранію изъ сего сомнѣнія; онъ довольно зналъ сердечныя движенія, чтобъ не опорочить ея склонность, которую она имѣла къ достойному человѣку.

Съ того времени всѣ Мерендоровы разговоры съ Уранією состояли о Дамонѣ: „Я намѣрена тебя утѣшить въ печали, „которую ты имѣешь о семъ неблаго„дарномъ, сказала Уранія; пріѣжжай за„втра ко мнѣ около сего времени, ты „найдешь здѣсь такого человѣка, кото„рой въ дружбѣ будетъ обстоятельнѣе „Дамона.

Мерендоръ пріѣхалъ къ Уранїи въ назначенное время, больше въ угодность ея, нежели для заключенія новой дружбы; ибо примѣръ Дамоновъ еще болѣе отдалялъ ево отъ сообщенія человѣческаго; но видъ молодаго мущины истребилъ сіе предупрежденное его мнѣніе. Дерикуръ [имя того мущины], имѣлъ видъ благородной, пріятной и привлекательной; на сего любезнаго незнакомаго Мерендоръ обращалъ свои взоры очень часто противъ желанія: „Вотъ тотъ человѣкъ, о кото„ромъ я тебѣ вчера говорила, сказала „ему улыбаясь Уранія, люби его, онъ „достойнѣе Дамона.

Искреннимъ симъ и безковарнымъ разговоромъ кончилось первое ихъ свиданїе, и началась дружба Мерендорова съ Дерикуромъ.

Дерикуръ жилъ въ домѣ Уранїи, и былъ очень любимъ ею: Мерендоръ имѣлъ случай узнать обстоятельно внутреннїя достоинства его; и чрезъ то взаимная дружба вскорѣ сопрягла между ими великое согласїе; склонность Дерикурова къ упражненїямъ Мерендоровымъ, и желанїе быть тѣхъ участникомъ, утверждала вседневно ихъ дружбу; Мерендоръ, видя новаго своего друга способнымъ къ наукамъ, прилагалъ всевозможное стараніе просвѣщать его во оныхъ; Дерикуръ же съ своей стороны соотвѣтствовалъ попеченїю его удивительнымъ понятїемъ.

По нѣсколькихъ мѣсяцахъ знакомствя ихъ, Мерендоръ почувствовалъ къ Дерикуру совсѣмъ иную любовь, нежели какую имѣлъ къ Дамону; движенїя сердца его были странны, присудствїе молодаго сего друга утѣшало его съ смущенїемъ. Онъ внутренно грустилъ, когда должно было разставаться съ нимъ; ежелижъ Дерикуръ оказавалъ ему какїе знаки дружбы, по оные производили въ немъ неизъяснимое смущенїе.

Не

Не токмо самой порокъ, но и одно сомнѣнїе того устрашало Мерендора, а любовь страстная уже владычествовала надъ его сердцемъ: онъ же сначала не смѣлъ того въ себѣ и примѣчать; наконецъ впалъ въ великую задумчивость; чѣмъ безмѣрно огорчилъ Уранїю и Дерикура.

„О чемъ печалишся ты, спросилъ его „въ одно время Дерикуръ дружески при „Уранїи; какое тайное нещастїе при„ключилось съ тобою? Не ужъ ли опа„саешся то намъ открыть?

„Я самъ не знаю причины, отвѣчалъ „Мерендоръ съ смущенїемъ, коего скрыть „не могъ; странное сїе приключенїе, са„мому мнѣ не извѣстно!

Дерикуръ удивясь, устремилъ взоръ свой на Мерендора, и примѣтя, что слёзы навертывались на глазахъ его, потупя голову, покраснѣлъ и вздохнулъ. Смущенїе Мерендорово умножилось, стыдясь движенїями своими внутренно волнующими, и усиливая себя, взгладывалъ на Уранїю и Дерикура. Уранїя уже знала причину Мерендорова смущенїя, угадавъ совершенно то, чего онъ и самъ не зналъ.

„Напрасно ты не признаёшся въ при„чинѣ своей задумчивости, притворствуя „ту не знать, сказала ему Уранїя; я „знаю ея, любовь. . . .

Лю-

Любовь! перебилъ Мерендоръ ея рѣчь съ восхищенїемъ; о боже! какое слово дерзаешь ты выговаривать. Нѣтъ, я вѣчно побѣжденъ быть не могу зловредною сею страстїю, и которая уже похитила у меня Дамона .... Дружба .... Дружба одна встревожила духъ мой. ...

Уранїя улыбнулась восхищенїю Мерендорову.

„Дружба не смущаетъ, сказала она; „сила оной не разрушаетъ покою, не обма„нывай себя; любовная страсть плѣнила „твое сердце; ты влюбленъ Мерендоръ, „не зная о себѣ того, а я знаю, буде „хочешь, то скажу, въ ково. И Дери„куръ. ...

„Боже мой! перебилъ Мерендоръ ея „рѣчь ужаснувшись, что такое говоришь, „ты Уранїя? Какъ .... Возможно ли! „Дерикуръ, не щитай того; истинно са„мая непорочная дружба одна упражняетъ „мысль мою .... Любовь же страстная „никогда не можетъ .... Но, о боже! сколь„ко смутила ты духъ мой? Жестоко„сердая Уранїя, почто лишила ты меня „столь пріятнаго покою...? Боже мой! „Я не осмѣлюсь и думать о томъ, Дери„куръ .... чтобъ я былъ виновенъ .... „Вся моя внутренная терзается .... Не „понимаю самъ себя; лучше удалиться ....

„Оста-

„Остановись, вскрикалъ Дерикуръ, не „допустя ево уйти, остановись Мерендоръ, я не могу тебя оставить долѣе въ „мысляхъ прошивныхъ твоимъ честнымъ „правиламъ; успокойся, не всегда человѣкъ виновенъ, когда во мнѣніи своемъ „находитъ себя такимъ; мнѣ жъ кажется, что я угадываю причину твоей горести, и естьли откровенностью своей „я могу тебя утѣшить, знай, что я „женщина въ мужеской одеждѣ; но я „оставляю Уранїи разказать тебѣ обстоятельно сїю тайну...!

Викторїя [съ сего времени мнимой Дирикуръ называться будетъ симъ именемъ] выговоря сїе вышла вонъ.... Мерендоръ же остался погруженъ въ крайнемъ удивленїи, горести и смущенїи, которыя его столь жестоко тревожили, будучи преодоляемы радостїю неожидаемою отъ послѣднихъ Викторїиныхъ словъ, такое странное движенїе въ немъ произвели, что всѣ чувства его были восхищенны.

„Пристойно ли такому Философу „столь мало умѣть владѣть собой, сказала ему смѣявшись Уранїя. Какъ! премѣна одежды могла тебя соблазнить, „и разсужденїе твое такъ неосновательно, что ты могъ усумниться въ сердечныхъ своихъ движенїяхъ.

„Какой

„Какой я Философъ! отвѣчалъ Мерендоръ, слабости мои противное доказываютъ; сжалься на меня и не пересмѣхай; я еще до сихъ поръ не могу повѣрить тому, что свѣдалъ, Но.... кудажъ Дерикуръ ушолъ...? Не называй больше Дерикуромъ, перебила его рѣчь Уранія, Викторія заступила мѣсто Дерикурово. Я раскажу тебѣ приключенія, послѣдовавшія съ нею, и для чего она мужескую одежду носитъ; въ состоянїи ль ты теперь слушать?

„Можно ли въ томъ сомнѣваться, отвѣчалъ Мерендоръ, чтобъ я былъ не въ состоянїи слушать того, что касается до человѣка столь мнѣ милаго? боже мой!....

„Ты довольно будешь имѣть времени изъяснить ей свою любовь, отвѣчала Уранія, а теперь слушай ея исторію.

Мерендоръ, не отвѣчая ни слóва, тотчасъ сѣлъ подлѣ Уранїи, которая начала слѣдующимъ образомъ:

ИСТОРІЯ ВИКТОРІИ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, дѣла родственныя принудили меня ѣхать въ *** маленкой Шампанской городокъ; въ которой пріѣхавъ, вскорѣ спознался съ

съ знатнѣйшими людьми, между которыхъ и съ отцомъ Викторïинымъ; онъ былъ изрядной дворянинъ, имѣлъ такой достатокъ, что могъ роскошную жизнь вести въ провинцïи; былъ вдовъ, и имѣлъ двухъ дѣтей, сына и дочь; сыну имя было Дорантъ; дочь же была та Викторïя, которую ты видѣлъ подъ именемъ и одеждою Дерикура. Дорантъ былъ большой братъ Викторïи, и имѣя совершенные лѣта, обладаемъ былъ всѣми страстями невоздержной молодости, и всѣми ужаснѣйшими пороками. Отецъ долго старался смирять его всевозможною родительскою строгостïю; но тщетное стараніе, когда въ кого склонность къ худымъ дѣламъ вкоренится! Отецъ Дорантовъ инаго плода не получилъ отъ своего старанïя, какъ притворство, помощïю котораго негодной его сынъ скрывалъ отъ него порочныя свои склонности.

Сколько Дорантъ былъ преисполненъ пороками, столько Викторïя добродѣтельми; но напрасно стараюсь я хвалить ея; сердце твое, Мерендорѣ, конечно лучше то освидѣтельствовало, нежели самое краснорѣчивое увѣреніе изъяснить можетъ. Викторïя имѣла тогда пятнатцать лѣтъ, была очень разумна, но малознающа; любила чтеніе книгъ, къ чему я ея поощряла, объ-

обѣщавъ ей прислать, по пріѣздѣ своемъ въ Парижъ [куда вскорѣ отправилась], всѣхъ лучшихъ Авторовъ сочиненія, служащія для увеселенія и наставленія; что не медля и исполнила, и радовалась видя по слогу ея писемъ плодъ, которой она пріобрѣла отъ сего упражненія; вседневно оказывались въ ней такія достоинства, которыя дружбу мою къ ней умножали. О добродѣтеляхъ надлежитъ разсуждать не столько по знатнымъ дѣламъ, сколько по всегдашнимъ поступкамъ; знатныя дѣла по большой части производимы тщеславіемъ и самолюбіемъ; всегдашнія жъ поступки имѣютъ свой источникъ въ сложеніи сердца.

Съ полгода тому, какъ Викторія отца лишилась, котораго Дорантъ притворствомъ своимъ такъ обманулъ, что сей старикъ, щитая его уже въ порядочномъ поведеніи, безъ размышленія душеприкащикомъ Викторіи его назначилъ. Сіе опредѣленіе по дружбѣ моей къ ней, меня очень огорчило. Я знала, что имѣніе ея, будучи въ рукахъ Дорантовыхъ, расточенію подвержено.

Обыкновенно первой порокъ предводителемъ служитъ прочимъ; не довольно того, что Дорантъ вдался въ самыя продерзливыя страсти, дерзнулъ умышлять про-

противъ непорочности сестры своей; не льзя статься, чтобъ не старался онъ преодолѣвать мерскую сію страсть; но ужъ овладаемъ будучи онъ порокомъ, не могъ себя победить въ томъ. Воображеніе посрамленнаго дѣла устрашаетъ, но привычка перемѣняетъ видъ онаго. Дорантъ, влюбясь въ сестру свою, уже осмѣливался себѣ въ томъ и признаваться; можетъ быть, онъ сначала и стыдился тѣмъ, но привыкнувъ о семъ думать, не столь порочной сію страсть почиталъ; наконецъ дерзнулъ любовь свою ей открыть. „Я „тебя люблю, Викторія, сказалъ онъ ей „въ одно время, не думай, чтобъ любовь „сія недавно началась. Страхъ родитель„ской воздерживалъ меня до сего часа „тебѣ сказать; внутренно же сердце мое „не меньше воспламенено было жаромъ, „которой одна ты можешь потушить, „я самъ трепещу отъ своего заблужде„нія, но пагубная страсть влечетъ меня „къ тому; не могу преодолѣть себя, „жизнь моя отъ того зависитъ. Викторія, не бывъ къ сему предуготовлена, со огорченнымъ презрѣніемъ тому удивилась, и не могла ни одного слова выговорить во отвѣтъ. Дорантъ, пользуяся ея молчаніемъ, продолжалъ дерско свою непотребную рѣчь; увѣщевалъ ея соотвѣт-

ствовать любви своей; въ заплату чего обѣщалъ во всемъ ея утѣшать. Сказавъ же сїе, пошолъ вонъ, конечно въ томъ намѣренїи, чтобъ дать ей время о семъ подумать; которое время служило Викторїи для изготовленїя отвѣту ему: но Доранть, котораго уже пороки не стыдили, пересмѣхалъ съ ругательствомъ всѣ ея представленїя: „Честь ни что иное, какъ мечта, ска„залъ онъ, которой я вѣчно обманутъ не „буду; оная противорѣчитъ всѣмъ нашимъ „желанїямъ, не принося намъ нималой „пользы. Послушайся меня, Викторїя, пре„зри ея, честь твоя состоитъ въ томъ, „чтобъ нравиться; а моя..... [подумавъ „не много], чтобъ тобою владѣть, сказалъ „онъ повелительнымъ голосомъ.

„Какїя мысли! отвѣчала огорченная „Викторїя, я думаю, что и самые порочные люди хотя не подражаютъ добродѣтели, однако почитаютъ оную; разсужденїе попущаетъ вѣкогда слабости наши, но „никогда въ такомъ скверномъ дѣлѣ, „которое можетъ оставить по себѣ знакъ „посрамленной; а ты дерзаешь уговаривать меня быть тому сообщницею.

Столь премудрое разсужденїе не понравилось Доранту; Викторїя, сказалъ онъ ей съ злостью: „Право мнѣ дало власть „надъ тобою, любовь можетъ тебя здѣлать

„моей

», моей повелительницею, выбирай любое, », только не медля.

Съ того времени Дорантъ сталъ употреблять всевозможныя хитрости побѣдить ту добродѣтель, которую право и натура повелѣвали ему охранять. Любезная жъ и безпримѣрная Викторія была подвержена терпѣливо сносить гоненія ослѣпленной сей страсти. Она имѣла много способовъ свободиться отъ того; но надлежало явнымъ здѣлать безчестной поступокъ своего брата; слѣдственно и всей фамиліи то бъ чести не принесло, чтобъ ей немалаго огорченія стоило; но видя себя утѣсненну всечасными насильствіями своего гонителя, была готова на все отважиться, чтобъ только могло свободить ея отъ судьбины ужасно грозящей, и для того избрала лучше подвергнуть себя неправосудному толкованію народному, обыкшему разсуждать по одной только наружности, нежели не соблюсти должности столь важной; велѣла себѣ тайно принесть мужескую одежду, ушла изъ дому своего брата, и нанявъ ямскую коляску, поѣхала въ Парижъ.

Викторія предупредила меня о отъѣздѣ своемъ, и о причинахъ, кои къ тому ея понудили. Такимъ образомъ я безъ удивленія ея встрѣтила, и представила

свой домъ убѣжищемъ до тѣхъ поръ, пока минутъ ей урочные лѣта; видя же, что одежда сія къ ней пристала, совѣтовала не перемѣнять оной, и тотчасъ пропустила слухъ, что ко мнѣ пріѣхалъ сынъ брата моего изъ провинціи. О тебѣ я часто съ Викторіей говорила, чѣмъ вкоренила въ нея желаніе узнать тебя; прочіе жъ способы ты самъ вѣдаешь, какіе я употребила для сего знакомства, сочтя то полезнымъ для обѣихъ васъ; довольно долго разсматривала нравы ваши, и нашла, что только вы двое другъ друга достойны: въ твоемъ сердцѣ, Мерендоръ, не доставало одного совершенства, то есть, чтобъ быть упражнену въ нѣжностяхъ любви непорочной: Викторія жъ будучи природно чувствительна и искренна, твердостью разума обнадежила меня и въ твердости своего сердца. Вотъ сколько причинъ поощрили меня избрать Мерендора ей любовникомъ! Сердце же твое способствовало моимъ желаніямъ. . . . .

„Больше еще, нежели вообразить „можешь, отвѣчалъ съ восхищеніемъ Ме„рендоръ; да и есть ли что ни будь лю„безнѣе Викторіи? Есть ли что почте„нія достойнѣе? Конечно я люблю ея, „боготворю: уже нескрытно смѣю то „выговари-

„выговаривать, какъ долго я слѣпъ былъ. „Да я жъ старался побѣдить разсужденіемъ „то чувство, котораго само оно было „началомъ.

Мерендоръ нетерпѣливо желая увѣрить Викторію въ любви своей, не могъ долѣе не видать ея, и Уранія тотчасъ къ ней ево отвела.

„Скажи мнѣ, Мерендоръ, сказала ему „сія дѣвица, какъ скоро онъ вошолъ, зна„ешь ли ты Викторію и движенія своихъ „чувствъ къ Дерикуру?

„Признаюсь въ своемъ заблужденіи, „отвѣчалъ Мерендоръ, только оно вамъ не „во вредъ было; но любезная Викторія, ахъ! „простите меня, что я осмѣлился такъ „приговорить васъ, истинно я нелестно „назвалъ васъ такъ, еще никто столько мнѣ не бывалъ милъ, какъ вы. Познаніе „мыслей справедливыхъ, страстныхъ и „нѣжныхъ не ужъ ли уменшитъ тѣхъ, „кои вы столъ часто доказывали мнѣ; „но ежели я не могу льститься въ соотвѣтствованной любви, по малой мѣрѣ „не отрекитесь въ дружбѣ? Не сумнѣвайся въ томъ, отвѣчала съ восхищеніемъ „Викторія, я искренно тебѣ признаюсь, „что дружба сія много сходствовать будетъ съ желанною тобою любовью. „Честность мыслей твоихъ довольно мнѣ

„ извѣстна, чтобъ я не стыдясь открыла „ тебѣ истинность своихъ.

Послѣ сего Мерендоръ и Викторїя другъ другу клятвою обязались въ ненарушимой вѣрности; Уранїя свидѣтелемъ тому была, а искренность и добродѣтель ихъ были залоги.

По окончанїи сего происхожденїя, Уранїя сказала ему, теперь ты свѣдалъ о всемъ касающемся до Викторїи; разскажи жъ и ей о томъ, кого судьба опредѣлила быть ея любовникомъ. Всегдашнее твое удаленїе отъ сообщества человѣческаго доказываетъ, что ты имѣешь важную причину для того; здѣлай насъ соучастницами той своей тайны, отъ извѣстной опасности способъ есть остеречься.

Сначала Мерендоръ отрекался удовольствовать тѣмъ Уранїю, бояся встревожить Викторїю разсказанїемъ о любовныхъ своихъ приключенїяхъ; но Викторїя усилила его къ тому своею прозьбою, и такъ Мерендоръ началъ слѣдующимъ образомъ:

ИСТОРІЯ МЕРЕНДОРОВА.

О родителяхъ моихъ примѣчательнаго имѣю только то сказать, что они отъ всѣхъ признаны были честными людьми;

ми; отецъ мой остался послѣ предковъ своихъ довольно достаточенъ, чтобъ жить по волѣ своей и не зависить отъ помощи другихъ. Я рожденъ въ сей щастливой волѣ, въ ней былъ и воспитанъ, что пріучило меня любить не подвластное состоянїе; не предвидѣлъ же тогда, что есть пріятная неволя.

Первое мое знакомство въ свѣтѣ было съ однимъ знатнымъ человѣкомъ [Оронтъ имя его], которому отецъ мой великїя услуги доказалъ. Человѣкъ придворной привѣтствїемъ своимъ привлекаетъ, обращенїемъ угождаетъ, разговорами обольщаетъ, словомъ сказать, особливое дарованїе имѣетъ вкрасться въ сердце всякаго; но внутренность соотвѣтствуетъ ли наружности столь пріятной? Конечно нѣтъ, подобно какъ хорошая береста прикрываетъ собою пень гнилой, которую только здери долой, то увидишь корень весь изнылой: такъ и въ немъ, оставя наружность, загляни внутрь, увидишь коварство, высокомѣрїе, ложь и лехкомыслїе; готовъ все обѣщать и ничего не исполнять, охотно погубить всякаго, естьли пользу свою изъ того усмотритъ, раболѣпствуетъ передъ всѣми случайными людьми, которымъ способомъ ищетъ возвысить себя, и не щадя никого, жертву-

ет̀ всѣми для своего удовольствїя ; таковъ есть придворной человѣкъ, таковъ былъ Оронтъ.

Однако жъ я въ немъ сего не примѣтилъ, пока съ нимъ въ короткое знакомство вошелъ ; благородныя обхожденїя ево меня обманули ; я почелъ за врожденное то, что онъ имѣлъ помощїю притворства и воспитанїя ; онъ мнѣ доказывалъ многими опытами дружбу настоящую, съ радостїю исполнялъ всѣ мои желанїя ; чѣмъ такъ меня увѣрилъ, что я любилъ ево столькожъ искренно, сколько послѣ Дамона.

Случилось мнѣ нечаянно увидѣть Силвїю ; бѣглой ея разумъ, осанка благородная и скромная, полюбились мнѣ въ ней. Тогда дѣйствїя любовныя еще не извѣстны мнѣ были ; надлежало прежде оныя испытать, чтобъ чувствовать ихъ силу, чему меня и научила любезная Викторїя. Силвїя, осталась послѣ своихъ родителей самовластна, и уже была въ тѣхъ лѣтахъ, что могла избрать себѣ жениха. Ласковое ея со мною обращенїе заставило меня простирать мое исканїе, которымъ я былъ часъ отчасу довольнѣе. Силвїя, видя мою любовь къ себѣ, доказывала мнѣ знаки истиннаго соотвѣтствїя ; всякой день и всякой часъ я ея находилъ

страстнѣе

стастнѣе и ласковѣе; слѣдственно и любовь моя къ ней по тому умножалась.

Частое мое бываніе у Силвіи уменшило свиданія, которыми я считалъ должнымъ себя Оронту; онъ мнѣ за то пенялъ, я жъ выправлялся слабо, не сказавъ ему о страсти своей къ Силвіи, почитая должностію тайну сію хранить: Оронтъ не дался въ обманъ, отгадалъ настоящую причину; для лучшего жъ увѣренія пріѣхалъ къ отцу моему въ тѣ часы, въ которые щиталъ не найти меня дома, и спросилъ у него, гдѣ я? Отецъ мой сказалъ, что я у Силвіи, зная, что я нигдѣ индѣ не бываю, куда онъ тотчасъ пріѣхалъ, и тамъ меня нашолъ: я очень оторопѣлъ увидя его; но какъ смущеніе мое успокоилось, то я представилъ его Силвіи, какъ друга, которой послѣ нея заимствуетъ первое мѣсто въ моемъ сердцѣ. Силвія его приняла учтиво, разговаривала съ нимъ очень разумно; и мы вмѣстѣ съ нимъ отъ нея поѣхали. Какъ скоро только мы остались одни; онъ началъ мнѣ пенять шуткою, для чего я столько скрытенъ былъ отъ него, чего онъ по дружбѣ моей отъ меня не ожидалъ; я ему представилъ во оправданіе, что осторожность сію я должной почиталъ для охраненія чести Силвіиной.

Оронтъ показался мнѣ доволенъ тѣмъ оправданїемъ, сталъ хвалить Силвїю, не показывая нималаго желанїя, продолжать съ ней свое знакомство; я же заблаго не разсудилъ склонять его на то. Съ тѣхъ поръ Оронтъ непрестанно говорилъ со мной о Силвїи, притворяясь не имѣть иной причины какъ единственно мнѣ тѣмъ угождая.

Я продолжалъ свое исканїе въ Силвїи; но вскорѣ примѣтилъ нѣкоторую холодность въ любви ея къ себѣ; ибо она терпѣливѣе уже сносила отсудствїе мое, и противорѣчила мнѣ во всемъ противъ обыкновенїя своего: любовь во всѣхъ случаяхъ осторожна, и все для нея важно. Я сталъ выговаривать Силвїи, она старалась выправляться: а любовь, какъ просвѣщенна бы ни была, совсѣмъ тѣмъ лехковѣрна.

Приключившейся нѣкоторой безпорядокъ на загородномъ дворѣ отца моего, принудилъ его послать меня туда въ самой скорости; я знавъ, что въ тотъ день возвратиться мнѣ не можно, и чтобъ не испужать Силвїю, заѣхалъ къ ней; остановился у воротъ ея, слезъ съ лошади, вошолъ на дворъ, люди ея привыкли ужѣ видѣть меня у нея часто; и такимъ образомъ я не могъ остановленъ быть никѣмъ, и дошедъ до самой ея горницы,

не

не встрѣтясь ни съ кѣмъ, услышалъ, что говорятъ въ уборной ея камерѣ; отворя жъ двери, изобразите мое удивленїе, какъ вдругъ увидѣлъ я Силвїю въ наистрастнѣйшемъ обхожденїи съ молодымъ мущиною, съ кѣмъ же? съ Оронтомъ.

Страсть и дружба равно были обижены симъ случаемъ; я такъ озлобленъ былъ той встрѣчею, что конечно бъ обѣихъ сихъ преступниковъ умертвилъ, естьлибъ остатокъ ослѣпленной страсти, которою я столь долго привязанъ былъ къ нимъ, не воспрепятствовалъ мнѣ въ томъ; совсѣмъ тѣмъ не въ состоянїи былъ долѣе свидѣтелемъ быть той измѣнѣ, хлопнувъ дверью ушолъ, и уѣхалъ не выговоря ни одного слова. Сїе приключенїе столько смутило духъ мой, что я въ повелѣнное мѣсто отцомъ моимъ доѣхалъ, не знаю какъ, и по какой дорогѣ.

Возвратясь домой, свѣдалъ я отъ одного слугй, согнаннаго отъ Оронта, о способахъ, которые господинъ его употребилъ для уловленїя Силвїи. Онъ къ ней въ домъ въѣжжъ сталъ хитростїю одной женщины, которая часто у нея бывала; хорошее его лицо и разумъ плѣнили Силвїю, меня жъ щитала полезнымъ для себя любовникомъ, зная, что я намѣ-

намѣренъ былъ на ней жениться, чѣмъ она заключала себя щастливой. И такъ ея стараніе въ томъ только состояло, чтобъ не потерять ни веселья своего ни пользы. Они надѣялись осторожными своими поступками скрыть отъ меня любовь свою, но нечаянной случай обличилъ зловредную сію тайну.

Оронтъ былъ помолвленъ на одной богатой дѣвицѣ, опасаясь же, чтобъ послѣдованное приключеніе и частыя его свиданія съ Силвіей, не повредили его въ мысляхъ у невѣсты уѣхалъ въ деревню; съ тѣхъ поръ Силвія не имѣвъ отъ него никакого извѣстія, почувствовала проступокъ свой тѣмъ паче, что невѣрность того неблагодарнаго простиралась до такой степени, что она не могла испросить отъ него нималаго утѣшенія въ ужасномъ состояніи, до котораго онъ ея довелъ; однакожъ бесчестной поступокъ Оронтовъ безъ наказанія не остался; приключеніе Силвіино дошло до его невѣсты, которая столько обиженну себя тѣмъ сочла, что тотчасъ ему отказала.

Однакожъ измѣна сія очень меня огорчила, и сердце мое вмѣсто страсти, чувствовало такую таску, что я желалъ смерти; а отецъ мой извѣстенъ былъ

былъ о причинѣ горести моей, и самъ не меньше беспокоился, видя меня неутѣшна. Онъ не имѣлъ дѣтей кромѣ меня одного, да и отъ такой жены, которую боготворилъ, и такъ страсть его къ ней умножала еще больше горячность его ко мнѣ; такимъ образомъ онъ употреблялъ все, что могъ для моего утѣшенія.

Въ домѣ его жилъ одинъ бѣдной дворянинъ [Шевалье де*** было его имя]. Этотъ дворянинъ такое худое состояніе имѣлъ, что умеръ бы съ голоду безъ помощи добродѣтельнаго и жалостнаго сердца, каковое имѣлъ отецъ мой для сего Шевалье, котораго такъ какъ и всю фамилію его отецъ мой нѣсколько лѣтъ содержалъ какъ деньгами такъ и всемъ, въ чемъ имъ нужда могла быть: фамилія его состояла въ женѣ и въ дочери, называемой Ангелика. Дочь хотя красоты не имѣла; но пріятна была и очень умна, совсѣмъ тѣмъ я къ ней склонности особливой не чувствовалъ; отецъ же мой очень любилъ ея. Великодушной человѣкъ обыкновенно чѣмъ больше должитъ кого, тѣмъ больше печется о пользѣ онаго. Отецъ мой такъ былъ привязанъ къ Шевалье, что хотѣлъ ему доказать дружбу знакомъ благодѣянія его дочери. Ему казались въ ней такія достоинства, что

заклю-

заключалъ щастїемъ для меня, ежелибъ я согласился на ней жениться, и внутренно горчился видя, что я нималой склонности къ тому не показываю. Ссора моя съ Силвїей казалась ему случаемъ полезнымъ, по мнѣнїю его одна Ангелика была въ состоянїи замѣнить мою потерю; но сей чадолюбивой отецъ хотѣлъ дать сердцу моему полную власть въ выборѣ, открылъ то свое намѣренїе Шевальѣ, и просилъ его, чтобъ онъ помогъ ему въ томъ: „ Тебѣ извѣстна, сказалъ онъ ему, „ любовь моя къ Ангеликѣ. Я отеческими „ глазами смотрѣлъ на ея воспитанїе, и „ на плодъ, которой она отъ того полу„ чила, подражая добродѣтельнымъ при„ мѣрамъ твоимъ, и матери своей „. Я въ ней нахожу много достоинствъ, для благополучїя мужняго; но тебѣ способнѣе было моего свѣдать склонность сéрдца ея; говори со мною искреннѣ, не знаешь ли ты склонности ея къ кому нибудь? Скажи, я все стараніе употреблю способствовать къ ея благополучїю.

Сначала Шевалье оторопѣлъ, но увидя обнадеживанїя дружескїя, сказалъ: „ Вели„ кодушїе ваше заставляетъ меня соот„ вѣтствовать вамъ повѣренностью, ко„ торую бъ я никогда не осмѣлился вамъ „ объявить безъ особливаго вашего пове„ лѣнїя;

„лѣнїя; я всегда чаялъ дочь свою нечув-
„ствительной къ страсти любовной; но
„нѣсколько тому дней, какъ примѣтилъ
„въ ней великую перемѣну; вопервыхъ всю
„печальна вздыхаетъ, и совсѣмъ уже
„не имѣетъ того веселаго нраву, кото-
„рой вамъ извѣстенъ въ ней. Сверьхъ того
„я часто находилъ ея въ слезахъ, наи-
„паче когда случалось ей видѣть Мерендо-
„ра сокрушающагося о Силвїи; я очень огор-
„чился примѣтя сїе, и боюсь, не влюбле-
„на ль она въ него, тѣмъ больше рабѣю,
„чтобъ къ пущему нещастїю, не прогнѣ-
„вила она той вредной страстїю моего
„благодѣтеля.

„Нѣтъ, Шевалье, не бойся сего,
„отвѣчалъ съ нѣкоторою чувствительно-
„стїю отецъ мой, Ангелика склонностью
„своей къ сыну моему мнѣ еще милѣе
„будетъ, и признаюсь тебѣ, что я дав-
„но ужъ желаю, чтобъ Мерендоръ спра-
„ведливыми глазами смотрѣлъ на ея
„достоинства. Тщеславїе никогда меня
„не ослѣпляло: не думай, чтобъ бѣдность
„препятствїемъ служила ихъ свадьбѣ;
„напротивъ умножаетъ мое желанїе со-
„вокупить ихъ, лишь бы я могъ увѣ-
„ренъ быть, что мысли дѣтей нашихъ
„совершенно согласны; истинно я толь-
„ко о ихъ благополучїи и мышлю; и по-

„тому

„тому какъ уже мнѣ извѣстно о склон-
„ности Ангеликиной, то скажи ей, чтобъ
„она употребила все приличное стараніе
„честной дѣвицѣ влюблять въ себя сына
„моего. Я въ томъ согласенъ, и обѣ-
„щаюсь тебѣ, что ихъ бракъ толь скоро
„совершится, коль скоро любовь сочета-
„етъ сердца ихъ.

Шевалье, чрезвычайно обрадуясь, сталъ цѣловать отца моего и благодарить, которой повторилъ ему, чтобъ онъ предуготовилъ Ангелику къ предпріятому старанію.

Я о всемъ томъ свѣдалъ долго спустя, слѣдственно и обращался съ ней одинаково до тѣхъ поръ. Я очень рѣдко хаживалъ къ Шевалье, но отецъ мой просилъ меня, чтобъ я чаще къ нему ходилъ: „Онъ разуменъ, говорилъ мнѣ онъ, и „очень знаетъ; сверьхъ того испыталъ „много нещастій, отъ чево чувствитель-„нѣе другова войдетъ въ твое состоянїе. Можно ли было мнѣ въ чемъ нибудь преслушну быть такому отцу, которой о иномъ не старался, какъ все угодное мнѣ дѣлать? Шевалье, жена и дочь его очень много дружбы мнѣ оказавали, а наипаче Ангелика. Какъ бы человѣкъ дикъ ни былъ, совсѣмъ тѣмъ не можетъ быть нечувствителенъ, видя такія ласки; я жъ

имѣлъ

имѣлъ сердце вольное и озлобленное невѣрностїю Силвїиной. Признаюсь, что желалъ найти Ангелику съ сердцемъ способнымъ отмстить мнѣ; но опытъ, послѣдующей со мной, научилъ меня осторожнѣе быть въ новомъ обязательствѣ. Я хотѣлъ прежде увѣриться въ твердости ея склонности нежели предупредить ее о своей; тѣмъ я и отговаривался передъ родителемъ моимъ, тогда какъ онъ сталъ уговаривать меня, скорѣе окончить желанное намѣренїе его, свѣдавъ о ласковомъ моемъ обхожденїи съ Ангеликой.

Я ужѣ сказывалъ, что отецъ мой наслѣдственнымъ богатствомъ пользовался; одинъ родственникъ, которой совсѣмъ намъ и незнакомъ былъ, вдругъ вздумалъ оттягать оное себѣ. Отецъ же мой будучи увѣренъ въ правости смѣло ему супротивлялся, но надлежало въ судъ итти. Тогда Дамисъ слылъ судьею правосуднымъ, я съ нимъ знакомъ былъ, и въ той надеждѣ препоручилъ ему въ надзираніе и стряпчаго опредѣленнаго хожденїе имѣть по тому дѣлу, онъ взялся охотно помогать намъ въ ономъ, и разсмотря дѣло, увѣрилъ меня въ правости нашей. „Своенравіе, коры-„сть и неправосудїе причиною тяжбы со-„перника вашего, сказалъ онъ мнѣ, знайте, „что успѣхъ не можетъ миновать васъ, будь

„спокоенъ Мерендоръ и положись на ме„ня въ успѣхѣ.

Сначала я былъ очень доволенъ Дамисовымъ стараніемъ; дѣло наше хорошее теченіе имѣло, и только оставалось намъ ожидать полезнаго рѣшенія.

Въ одно время пріѣхалъ я поутру къ Дамису, мнѣ сказали, что ему недосугъ, и что онъ никово не примаетъ; отвѣтъ сей меня удивилъ, однако я не поспорилъ въ томъ, и ушолъ не выговоря ничего, только черезъ часъ опять пріѣхалъ; тогда я нашолъ Дамиса, провожающаго молодую женщину: щегольская ея одежда, и видъ смущенной, въ сумнѣніе меня привели; Дамисъ оторопѣлъ увидя меня, и старался какъ могъ скорѣе посадить въ карету сію женщину, потомъ подшедъ ко мнѣ спросилъ, знаю ли я ею? Я ея никогда не видывалъ, отвѣчалъ я ему, что его очень успокоило и обрадовало; я должнымъ себя почиталъ таить сіе приключеніе; много разъ приходилъ я къ нему въ тотже часъ, но никогда не видалъ его. Отъ людей же его вѣдалъ [которые всегда охотно разсказываютъ дѣла своихъ господъ] что къ нему всякой день ѣздитъ та женщина; и такъ я уѣжжалъ и опять пріѣжжалъ, когда чаялъ его видѣть, его обхожденія

все

все одинаковы были со мной, онъ меня увѣрялъ въ успѣхѣ дѣла; я жъ просилъ его о рѣшенїи онаго, что онъ и исполнилъ; но какъ же безсовесно! совсѣмъ и наково нежели увѣрялъ меня; помощїю лжесвидѣтельства и вымышленныхъ писемъ насъ обвинили не прїемля никакого оправданїя; симъ случаемъ мы потеряли три части нашего имѣнїя.

Сердце мое такъ привычно было къ нещастїямъ, что и оное не могло меня много огорчить; я тысячу разъ больше сожалѣлъ о потерянїи друга, нежели объ ономъ убыткѣ. родителямъ же моимъ это очень чувствительно было, ихъ желанїе всегда состояло въ томъ, чтобъ не зависѣть ни отъ кого и меня бъ въ томъ же состоянїи оставить. Такой большой ущербъ въ имѣнїи, не дозволялъ имъ ужѣ льститься симъ состоянїемъ, и я никакъ не могъ увѣрить ихъ, что я безъ прискорбности проживу малымъ симъ остаткомъ. Боже мой! Сїи чадолюбивые родители ни о чемъ столько не пеклись, какъ о моемъ благополучїи, и мнѣ очень горестно было видѣть ихъ о мнѣ сокрушающихся.

Однакожъ я тотчасъ поѣхалъ къ Дамису въ томъ намѣренїи, чтобъ спросить его за что онъ такое наглое неправосудїе учинилъ; прїѣхалъ же къ нему

въ самое то время какъ нашъ соперникъ благодарилъ его за полезное рѣшеніе, съ нимъ была молодая женщина, которую онъ называлъ своей дочерью, и которая точно та была, которая тайно ѣжжала къ Дамису, я почелъ безполезнымъ ожидать другаго изъясненія, причина вреда нашего видима была, и я удовольствовался взглянуть на сего бездушнаго судью съ такимъ презрѣніемъ, котораго совершенно онъ почувствовалъ себя достойнымъ, и ни слова не сказавъ уѣхалъ отъ него: возвратясь же къ отцу моему, сказалъ, „подлой душй Дамисъ, жертвовалъ своей страсти тѣмъ, „что человѣкъ имѣетъ дороже всего; „словомъ сказать, забава любовная пріобрѣтенная вредомъ чести и славѣ „его, лишаетъ насъ законнаго имѣнія, „но для той горячности, которой я отъ „васъ удостоенъ, умѣрьте горесть сокру„шающую меня, не богатство благопо„лучнымъ человѣка дѣлаетъ, а спокой„ствіе духа и сердца; въ томъ состоитъ „настоящее благополучіе, милосердые „мои родители, я своимъ состояніемъ „совершенно доволенъ; имѣя въ васъ, ми„лостивыхъ родителей и щастливымъ „себя нахожу; но ежели возможно заклю„чите и вы для себя любовь и почтеніе

„послу-

„ послушнаго Мерендора утѣшеніемъ въ „ грозной судьбинѣ.

„ Конечно, любезной сынъ, вскричалъ „ отецъ мой, обнявъ меня, конечно довольно бъ тебя одного было для утѣшенія „ моего, естьли бъ то самое благополучіе, которое я нахожу въ любви „ твоей, не заставляло меня печалиться „ о потерянїи утверждающемъ твое блаженство; о одномъ твоемъ убыткѣ! а не „ о своемъ я крушуся.

Мнѣ нужды не было въ новомъ семъ знакѣ для увѣренія любви милостиваго моего родителя, и для того я употреблялъ все, что могъ для его успокоенія, вздумалось мнѣ, что присудствіе Шевальево можетъ къ тому способствовать, и хотя не мало удивился, что онъ самъ не пришолъ навѣстить истиннаго своего друга, однако тотчасъ пошолъ по него въ полномъ увѣренїи, и для себя найти нѣсколько утѣшенія въ соучастїи пріемлемомъ Ангеликой, время, нещастія есть, время торжественное для любви; Шевалье жена его и дочь свѣдавъ о худомъ окончанїи нашего дѣла, стали жалѣть о нещастїи семъ, только съ такою холодностїю что кровь во мнѣ оледенѣла, суетно старался я встрѣтить взглядъ Ангеликинъ, она такъ прилѣжно рабо-

тою своею упражненна тогда была, что очень ясно было видно, что она ни мало о мнѣ не помышляетъ, таковой поступокъ конечно не годилось употребить съ сыномъ благодѣтеля; и для того стыдясь долѣе со мною быть, извинясь недосугами. Ангелика вышла въ одну дверь, а Шевалье въ другую; такой поступокъ озлобилъ меня, однако я не хотѣлъ удостоить ихъ упреками, а ушолъ отъ нихъ въ твердомъ намѣренїи не видаться во всю жизнь свою со всей этой негодной фамилїей.

Ничто столько чувствительно быть не можетъ, какъ видѣть себя обманута другомъ, котораго привыкъ любить. Отецъ мой гораздо болѣе былъ огорченъ неблагодарностїю Шевальевой, нежели потерянїемъ имѣнїя, это его такъ тронуло, что ужъ я не могъ его ничѣмъ разговорить, послѣ чего вскорѣ и умеръ на моихъ рукахъ, увѣщевая меня удаляться отъ сообщества человѣческаго, которыхъ злохищренїи причиною смерти его. „Сердце твое, сынъ мой, сказалъ онъ, „очень искренно, чтобъ знаться съ без„дѣльниками. Чистосердечные люди обы„кновенно лехковѣрны, да и остеречися „противу плутовъ никакъ не возможно, „послушайся меня, удаляйся, отъ всего „того,

„ того, что называется человѣкомъ, уже „ ты по нещастію много разъ обманутъ „ былъ худою ихъ совѣстью!

Мать моя не замедлила послѣдовать столь достойному мужу, и я остался одинъ въ сокрушительномъ состоянiи; непотеряніе имѣнiя меня печалило, а смерть, родителей достойныхъ вѣчнаго моего сожалѣнiя, въ прибавокъ же къ горести встрѣтились въ мысль мою разсужденiя о всѣхъ нещастiяхъ, которыя я въ жизнь свою претерпѣлъ, оныя такъ сильно подѣйствовали во мнѣ, что я принялъ намѣреніе совершенно уединенную жизнь вести, у меня оставался еще тотъ загородной дворъ, въ которой я ѣздилъ во время, какъ узналъ о невѣрности Силвiиной, и я туда поѣхалъ въ намѣренiи окончить тамъ жизнь свою. Но вы конечно любопытны свѣдать, куда дѣвался Шевалье съ дочерью своей.

Въ тотже день какъ въ послѣдней разъ я у него былъ, онъ переѣхалъ со всѣми своими пожитками изъ нашего дому, не удостоя зайти къ намъ проститься, повидимому онъ ожидалъ упрековъ, которыхъ чувствовалъ весьма достойнымъ себя Вотъ что свѣдалъ я о нихъ чрезъ нѣсколько дней; не задолго до рѣшенiя дѣла нашего, одинъ богатой человѣкъ

влюбяся въ Ангелику, прислалъ къ ней съ представленіемъ лестнымъ самолюбію ея, ежели она согласится щастливымъ его здѣлать.

Ангелика сообщила отцу своему о томъ, но Шевалье надѣяся, что я женюся на ней, предпочелъ тогда союзъ мой состоянію, представляемому дочери его. Потеряніе же нашего иску перемѣнило его мысли, уже онъ полезнымъ не находилъ выдать дочь свою за меня; тогда прибѣгъ онъ къподражателю Плутосову, которой уговорилъ его съѣхать отъ насъ, нанялъ ему квартиру, отдаленную отъ нашего дому, и замѣняетъ ему всѣ убытки, понесенные потеряніемъ благодѣяній отца моего, естьли только можно назвать замѣною то, что мы пріобрѣтаемъ подлостію, и что насъ доводитъ до безчестія. Но я безъ сожалѣнія напоминаю о сихъ неблагодарныхъ, очень лестная судьбина сохранена была для меня, чтобъ я могъ теперь инако, какъ ключемъ благополучія себѣ признавать ихъ безсовѣстной поступокъ противу насъ.

Я жъ поселясь въ новомъ своемъ жилищѣ углубился въ науку Философіи, одну ея нашолъ способною истребить нещастія изъ памяти моей; достатокъ мой хотя очень умѣренной, однако становилъ-

ся

ся на всѣ мои надобности, я ни съ кѣмъ не видался, и чаялъ себя щастливымъ.

Одинъ день ѣхавъ съ охоты встрѣтилъ я Дамона, которой тѣмъ же упражнялся, чѣмъ и я, хотя я уже противъ роду человѣческаго былъ, совсѣмъ тѣмъ не могъ внутренно и противъ ево быть; онъ имѣлъ видъ привлекательной, чистосердечїе и кротость ясно изображены были на лицѣ его. Кротость, такая добродѣтель, которою не уважаютъ въ свѣтѣ, а въ глазахъ настоящаго Философа добродѣтель сїя очень почтена.

Дамонъ никогда не имѣлъ случаю испытать владычества страстей; видъ лица его показавалъ, что онъ здоровъ и спокоенъ, знаки достовѣрные прямодушїя и благосклоннаго сердца, разсужденїя его мнѣ полюбились, видно было, что и онъ моими доволенъ былъ, по великому ево желанїю свести со мной знакомство короткое, я жъ съ моей стороны и самъ не меньше того желалъ, онъ сталъ ѣздить ко мнѣ, и чрезъ продолжительное время частыхъ нашихъ свиданїевъ я въ немъ узналъ отмѣнныя достоинства, которыя меня привязали къ нему дружбою желанною имъ, и взаимно чуствуемой ко мнѣ; въ одно время дошла у насъ рѣчь о причинѣ моего уединенїя, которую я ему открылъ, и онъ

Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. Ленина

безмѣрно удивился терпѣливости моей противъ неправосудія Дамисова; отецъ Дамоновъ былъ въ томъ мѣстѣ судьею, въ которомъ зависило защищеніе неправосуднаго рѣшенія по дѣлу моему, сей способъ подавалъ Дамону случай одолжить меня, онъ назвался мнѣ просить отца своего, чтобъ возвратилъ отнятое у меня имѣніе. Я не окончу, ежели стану пересказавать вамъ всѣ обстоятельства, старанія его и трудовъ во ономъ случаѣ; я раскажу вамъ только то, что конечно вы желаете вѣдать, какой успѣхъ былъ въ томъ; Дамонъ чрезъ происки свои отыскалъ копію съ тѣхъ крѣпостей, которыя Дамисъ не внесъ въ дѣло, утверждающія владѣніе наше неоспоримо тѣмъ имѣніемъ, и которыя обличили лжесвидѣтелей, позванныхъ къ суду, и заставили ихъ скрыться бѣгомъ; наконецъ Дамонъ возобновилъ судъ, которой рѣшенъ былъ въ пользу мою. Я вступилъ въ права наглымъ безсовѣствомъ отнятыя у меня, въ награжденіе своихъ трудовъ. Великодушной Дамонъ требовалъ только удовольствія видѣть меня жителемъ Парижскимъ, гдѣ ему свободнѣе было пользоваться дружбою моей: я не могъ ни въ чемъ отречься сему истинному другу, и оставилъ свое уединеніе. Я не

имѣлъ

имѣлъ причины въ томъ раскаиваться, а пріобщилъ въ сообщество наше дружеское и добродѣтельную Уранію. Люди столь достойные, хотя и упражняли сердце мое, но совсѣмъ тѣмъ оставалось въ ономъ еще желаніе; я природно склонности столь привязчивой, что одна страстная любовь могла благополучнымъ меня дѣлать, которой никогда и не старался истреблять, находя въ томъ удовольствія и никакого вреда. Да и есть ли что благороднѣе любви, есть ли что пріятнѣе оной, и полезнѣе для общества? Одна она воздерживаетъ насъ отъ пороковъ, вселяетъ въ насъ нѣжность и хорошей нравъ; словомъ сказать, все, что ни есть хорошего въ человѣкѣ, отъ нея произрастаетъ; безъ любви звѣрство врожденное во всѣхъ людяхъ здѣлало бъ тысячу разъ насъ лютѣе звѣрей самыхъ дикихъ; а любовь имѣетъ источникъ свой въ разсужденіи подкрѣпляемомъ пріятной добродѣтелью, истребляетъ всѣ душевныя угрызенія, способствуетъ пользоваться спокойно забавами ослѣпляющими, воображая себя въ страсти къ той, которой достоинство нѣтокмо оправдаетъ, но умножаетъ чувство то съ нѣкоторымъ пріятнымъ смущеніемъ; наконецъ отъ нея та....

Тутъ

Тутъ Мерендоръ остановился, устремя глаза свои страстно на Викторію: „доканчивай, Мерендоръ, сказала она воспламененнымъ голосомъ, пріобщи еще „что отъ той, которая царствуетъ въ „нашихъ сердцахъ; чувства сіи мнѣ „очень лестны, чтобъ я не согласилась „признать ихъ; конечно наша любовь, оное столь благословенное чувство достойно навсегда владычествовать нами.

Сколько жъ я доволенъ, любезная Викторія, сказалъ Мерендоръ, „и сколько „радъ видя тебя совершенно увѣрену „во мнѣ, такъ тебѣ знаемо то благословенное чувство, которое сопрягаетъ „сердца наистрастнѣйшія и наидобродѣтельнѣйшія; признаюсь! одно оно въ состояніи было щастливымъ меня здѣлать, „и одна ты могла то въ меня вселить; „наконецъ мы соотвѣтственно тѣмъ побѣжденны, и осталось только желать „того, чтобъ ты столько жъ постоянно „наслаждалась тѣмъ пріятствомъ. Сколько я совершенно обожать то стану, „чтобъ оно навсегда служило содержаніемъ нашихъ мыслей, можетъ ли что „лучше оградить безсмертіемъ наше благополучіе?

рѣчь

рѣчь сія продолжалась еще нѣсколько всѣ страстнымъ голосомъ, потомъ Мерендоръ началъ опять разсказывать, какъ онъ имѣлъ случай испытать лехкомыслїе женскаго роду, на что Викторїя страстнымъ голосомъ сказала: я боюсь, чтобъ примѣры оные не оставили въ мысляхъ твоихъ нѣсколько подозрѣнїя и въ твердости моего сердца; въ чемъ Мерендоръ старался переувѣрить ея.

„Нѣтъ уже не осталось мнѣ причины къ сумнѣнїю, сказалъ онъ, разсужденїе обще съ добродѣтелью сопрягли наши сердца, я то вижу, и боготворю въ тебѣ; разность движенїе въ моихъ прежнихъ съ теперишними, служатъ мнѣ вѣрнымъ свидѣтельствомъ въ чувствѣ царствуемомъ влюбезной моей Викторїи, съ тѣми негодными женщинами, которыя непостоянствомъ ослѣпленны. Нынѣ въ первой разъ только я могу согласить разсужденїе съ любовью, оба сїи чувства владычествуютъ сердцемъ моимъ; любить тебя и боготворить, любезная Викторїя! есть и будетъ навеки столпомъ Философїи моей: одинъ недостатокъ въ моемъ благополучїи тотъ, что не вижу Дамона въ познанїи своего заблужденїя, въ чемъ я не безнадеженъ съ разумомъ такимъ, какъ

„онъ.

„онъ. Не можно долго подражать пороку,
„любочестїе его обнадеживаетъ меня,
„что онъ вскорѣ обратится къ своимъ
„друзьямъ; скажу больше, къ.... Оста-
„новись, Мерендоръ, сказала Уранїя, я вижу
„къ чему рѣчь твоя уклоняется, только
„не думай, чтобъ я питала слабость свою
„надеждою постыдной для меня; и ежели
„я не въ силахъ искоренить оную, по ма-
„лой мѣрѣ я не такъ подло думаю, чтобъ
„согласилась оправдать себя въ той.

Во время какъ оные любовники наслаждались соотвѣтственными увѣренїями взаимной любви, тѣмъ же тогда упражнялся и лехкомысленной Дамонъ, подражая уставамъ хитрой Емилїи? Любовь ево къ ней вседневно произрастала, онъ ей жертвовалъ всѣ минуты своей жизни, упуская даже необходимыя должности обществу; весьма много не доставало, чтобъ Емилїя соотвѣтственно платила ему, склонность ея силою забавъ съ нимъ много уменшилась, уже она не находила больше удавольствїя съ нимъ быть. Любовь истощила то прїятство, которое согласно дѣлимое любовниками дѣлаетъ благополучїе обѣихъ тѣхъ, которые страстью взаимной побѣждены, неизъяснимая противность заступила мѣсто грубыхъ желанїй, прїятство состоящее

въ

въ новой любви производимое нѣжной страстїю во время самыхъ забавъ воспламененныхъ желанїемъ часто повторяемыхъ, то самое пріятство не могло инако удовольствїя приносить ей, какъ раздѣляя оное сомножествомъ любовниковъ, которыхъ старалась пленниками своими имѣть.

Изо всѣхъ ея любовниковъ, Дамонъ больше всѣхъ чести и славы ея красотѣ приносилъ, какъ достоинствомъ фамилїи своей, такъ и достоинствомъ разума своего передъ прочими. Очень прискорбно быть нелюбимой, будучи жъ любимой потерять любовника стыдно, самолюбїе ужѣ не дозволяло Емилїи свободить Дамона изъ своихъ оковъ; такимъ образомъ состояло только умѣть скрывать отъ него всѣ тайныя невѣрности, коими она платила за ослѣпленую повѣренность его къ ней, хитрость и коварство, ничего не стóятъ кокѣткѣ, которыми способами Емилїя и пользовалась для обмана искренаго Дамона.

Одинъ день гуляла она въ одномъ изъ тѣхъ садовъ, въ которыхъ она непрестанно бывала, способныхъ для славы прельщать, равно какъ для удовольствїя быть прельщенной, въ томъ саду увидѣла она Викторїю, носящую имя и одежду

Дери-

Дерикура; малѣйшаго пріятства сего мнимаго молодца довольно было бы для соблазненія глазъ чувствительныхъ. Дерикуръ одаренъ былъ всѣми совершенствами, которыми натура можетъ снабдить любезнаго человѣка, того ради нимало неудивительно, естьли онъ собою плѣнилъ, и къ желанію грубому возбудилъ сластолюбивую Емилію.

Первое Емилїино стараніе было освѣдомиться о имени, о природѣ и о жилищѣ сего молодаго незнакомаго. Она свѣдала, что онъ племянникъ Уранїинъ, у которой и въ домѣ живетъ. Сіе обстоятельство не могло отвратить любовь ея отъ него; но напротивъ она сочла симъ способомъ имѣть дорогу ближе къ успѣху, ежели только найдетъ средство отвратить его отъ наставленій добродѣтельной Уранїи. Въ самомъ дѣлѣ Дерикуръ подражалъ во всемъ примѣру Уранїину. Емилія торопилась сознаться съ нимъ, въ чемъ Дамонъ способствовалъ ей, сказавъ, что Уранія часто бываетъ у госпожи Жуанвилъ, весьма благосклоннаго нраву, которой страсть къ игрѣ столь сильна, что она допускаетъ всякаго званія женщинъ въ домъ свой, не смотря какова состоянія онѣ, лишь бы умѣли играть въ карты; о себѣ жъ Дамонъ сказалъ ей, что

ни

ни онъ ни Мерендоръ никогда не бывали въ домѣ сей госпожи.

Узнавъ обстоятельно нравъ госпожи оной, Емилїя безтруднымъ почла въѣхать къ ней въ домъ, нашла женщину знакомую госпожѣ Дежуанвиль, которую просила, чтобъ взяла дозволенїе привесть ея къ ней; госпожа жъ Дежуанвиль охотно желая, чтобъ число игрицъ умножалось, и труда на себя не взяла спросить, какого поведенїя Емилїя, которая была съ радостью приглашена въ то сообщество, гдѣ заключали всю, какъ скоро умѣешь играть въ карты; какая страсть! только весьма извинительна въ женщинахъ, наипаче, которыя ужъ въ такихъ лѣтахъ, что оное упражненїе имъ служитъ забавою вмѣсто тѣхъ, о которыхъ имъ не дозволяется больше и помышлять.

Уранїя очень знала ту слабость въ госпожѣ Дежуанвиль, и употребляла всѣ способы отвращать ея отъ той; но къ пороку такому стыдному оная госпожа пріобщала такїя добродѣтели, которыя извиняли страсть столь непобѣдимую въ ней; Уранїя, зная ея достоинства, и видя безполезность стараній своего отвращать ея отъ игры, переставъ упрекать ея тою страстью, не перестала къ ней ѣздить;

будучи ѣ увѣренна вѣ честномѣ ея поведенїи, возила сѣ собою кѣ ней и Викторїю, подѣ именемѣ Дерикура, имѣя только одинѣ сей домѣ, гдѣ она сѣ нѣкоторымѣ удовольствїемѣ провождала время, не ожидая, чтобѣ вѣ томѣ домѣ чье нибудь любопытство могло подвергнуть опасности Викторїю. Мнимой Дерикурѣ обращался такѣ цѣломудренно вѣ ономѣ обществѣ, что не подалѣ никому подозрѣнїя вѣ своей тайнѣ.

Емилїя не замедлила угодностьми своими, любимой здѣлаться госпожею Дежуанвиль; между тѣмѣ временемѣ Уранїя пріѣхала сѣ Дерикуромѣ, которая много слыхала о Емилїи, но никогда не видывала ея, сверьхѣ того Емилїя вѣѣхала вѣ домѣ госпожи Дежуанвиль, не тою порочною женщиною, какѣ она знаема вѣ свѣтѣ была; и такѣ неудивительно, ежели Уранїя приняла ея за другую вмѣсто той, которую столь страстно любилѣ Дамонѣ. Обращенїе Дерикурово вѣ домѣ госпожи Дежуанвиль, умножило еще склонность Емилїину кѣ нему; она все употребила, чѣмѣ можно было влюбить его, страстные взгляды, ласковые разговоры, пріятныя улыбочки, шутливые и разумные споры, все было употреблено для полученїя отѣ Дери-

Дерикура отмѣну преимущественно предъ всѣми тутъ бывшими женщинами. Она чаяла уже въ томъ и успѣхъ имѣть; Дерикуръ былъ молчаливъ, находя должностью, когда случалось быть между посторонними людей, чтобъ внимать ихъ разговоры, примѣчать поступки и разсужденія, въ томъ намѣреніи, чтобъ по тому сознать съ большею достовѣрностью нравы тѣхъ людей; Емиліина фигура, притворныя ея поступки, и ласки ея къ нему преимущественно предъ всѣми прочими: Всѣ сіе онъ почелъ достойнымъ его примѣчанія, и для того онъ устремилъ глаза свои на нее прилѣжно; что Емилію очень обольстило, наипаче будучи самолюбива, заключила то его движеніе полезнымъ для себя.

Другое примѣчаніе не меньшимъ утвержденіемъ служило ей въ ея заблужденіи; склонности сердечныя съ трудомъ скрываются, и глаза служатъ вѣрнымъ веркаломъ, которые обличаютъ безъ ошибки душевныя движенія; Дерикуръ былъ влюбленъ, и такъ въ глазахъ его, въ лицѣ, и въ голосѣ; все въ немъ являло пріятное сіе чувство, и любовная задумчивость ясно изобличала его въ томъ.

Всѣ сіи знаки любовные Емилія примѣтила, которые несумнѣнно утверди-

ли ея въ первомъ дѣйствіи красоты ея надъ сердцемъ Дерикуровымъ; но видя его обращеніе робкое съ собою, почла нужнымъ подать случай къ смѣлости оному молодому человѣку, повидимому необыкшему еще обращаться въ любовныхъ обстоятельствахъ.

Уранія ѣжжала къ госпожѣ Дежуанвиль въ назначенные дни; чего Емилія не упустила провѣдать, и въ томъ намѣреніи, чтобъ безъ нея игра началась, пріѣхала она въ одинъ день позднѣе обыкновеннаго; о Дерикурѣ же она знала, что онъ никогда не играетъ; оной умыселъ ей удался, и она осталась одна съ Дерикуромъ; гостей тогда было много для помощи намѣренія ея, и для того она способомъ разныхъ хитростей, заставила его подойти къ себѣ къ окошку; и послѣ нѣсколькихъ шутливыхъ разговоровъ, стала упрекать его видомъ страстнымъ въ задумчивости, въ которой онъ находится въ такомъ мѣстѣ, гдѣ всѣми очень ласкаемъ; сначала Дерикуръ покраснѣлъ, потомъ принуждалъ себя смѣляе быть, чтобъ тѣмъ отдалить всѣ подозрѣнія, выправка его очень умна была; онъ ей отвѣчалъ, что она напрасно называетъ задумчивостію въ немъ то, что

не

не иное, какъ примѣчанїе красавицъ находящихся въ томъ собранїи.

Емилїя хотя приняла это на свой щотъ, но хотѣла довѣсть Дерикура открыться еще ясняе, употребила притворное любопытство, свѣдать имя той женщины, которая больше всѣхъ ему нравится; Дерикуръ щелъ невозможнымъ, чтобъ сохраня учтивость, можно было иную назвать кромѣ ея. Такой отвѣтъ, которой Емилїя вынищивала, вмѣсто того, чтобъ въ торопость привесть ея, причину подалъ распространить разговоръ, которымъ любовь равно, какъ высокомѣрїе ея были удовольствованы. Дерикуръ, будучи принужденъ содержать слово, выговоренное, видѣлъ себя подвержена продолжительному страстному и любовному разговору, отъ котораго трепеталъ, боясь слѣдствїя худаго изъ того; однако Емилїя очень довольна была отвѣтами его, словомъ сказать, она была такъ довольна, что не льзя было не узнать любви ея къ Дерикуру; вдругъ стала восхищенна, весела, воспламенна любовью, и Викторїя совѣстно послѣ признавалась, что хотя и сама она женщина была, а въ то время Емилїей прельщена была.

Уранія уже давно примѣтила дѣйство, которое красота Дерикурова произвела въ Емилиномъ сердцѣ, но бояся ошибиться, не смѣла въ томъ своемъ сумнѣніи утвердиться; сей же случай былъ болѣе нежели доволенъ, для утвержденія подозрѣнія того. Она примѣчала всѣ поступки Емиліины съ Дерикуромъ: удовольствіе, веселой видъ ея и страстные взгляды на Дерикура совершенно утвердили ея въ томъ; Викторія, будучи скромна, хотѣла скрыть приключеніе то, но Уранія принудила ея къ тому, назавтрѣ жъ при Мерендорѣ шуткою поздравлять стала ея съ побѣдою.

Викторія удивилась догадки Уранііной, и покраснѣла отъ того; для Мерендора же все оное ново было, и онъ сталъ просить, чтобъ изъяснили ему загадку ту; въ чемъ Уранія его удовольствовала кромѣ того, что не умѣла ему сказать ни состоянія, ни нраву, ниже на тоящаго имени той, которой заблужденіе очень смѣшно имъ было.

На оное Мерендоръ выговоря нѣсколько страстныхъ приговоровъ Викторіи о владычествѣ, которое она имѣетъ надъ всѣми сердцами, сказалъ, что онъ очень боится слѣдствій, кои могутъ случиться отъ приключенія ея съ Емиліей, въ

въ томъ мнѣніи, что женщина, которая до тѣхъ поръ нагла, что отваживается при первомъ случаѣ мущинѣ оказывать склонность свою, очень опасна, заключая, что она конечно не упуститъ простирать съ Деликуромъ знакомство свое короче; и тогда тайна Викторїина подвержена быть можетъ открытію, при томъ же ожидаемо, чтобъ столь наглая женщина по злобѣ не вымыслила чего и вреднаго для нея.

Симъ справедливымъ разсужденїемъ Мерендоръ столько устрашилъ Уранію и Викторію, что онѣ тотъ же часъ приняли намѣреніе не ѣздить больше къ госпожѣ Дежуанвиль; по прошествіи нѣсколькихъ часовъ того премудраго предпрїятія ихъ, вдругъ вошолъ слуга къ нимъ, и сказалъ Деликуру, что Дамонъ имѣетъ о нѣкоторой тайной нуждѣ съ нимъ переговорить; пріѣздъ гостя сего очень испужалъ всѣхъ ихъ. Викторїя ни съ какимъ мущиною никогда одна не бывала, и очень оробѣла, чтобъ застѣнчивостью своею не подать подозрѣнїя вреднаго своей тайнѣ: она приказала просить Дамона къ Уранїи въ покой съ увѣренїемъ, что по дружбѣ ихъ между собой она можетъ включена быть въ повѣренность той тайны. Отвѣтъ сей весьма непріятенъ былъ Да-

мону, однако одолѣмъ будучи ревностью, согласился итти къ Уранїи, которую такъ какъ и Мерендора ему очень не хотѣлось увидѣть; но совсѣмъ тѣмъ ничто не могло его удержать, ибо онъ узналъ, что Емилїя влюблена въ мнимаго Дерикура, котораго признавая соперникомъ, желалъ съ нимъ изъясниться; только какимъ образомъ свѣдалъ онъ о любви той, по тому что онъ самъ сказывалъ Емилїи, что онъ никогда не бывалъ въ домѣ у госпожи Дежуанвиль. Любовь хотя не терпитъ никакихъ свидѣтелей, со всѣмъ тѣмъ ничего такого нѣтъ, чего бъ за деньги свѣдать не льзя было. Емилїя ослѣплѣнна будучи разговоромъ, которой имѣла наканунѣ съ Дерикуромъ; и всю ночь проводила въ вымышленїи изъискать способъ тайно увидѣться съ нимъ, все цѣломудрїе ею было грубымъ желанїемъ развращенно, дѣйствїе котораго опредѣлило ею непремѣнно удовольствовать въ томъ себя не отсрочивая ни одного дня, и той ради причины она назначила мѣстомъ свиданїя тотъ увеселительной домъ, которымъ Дамонъ ее подарилъ, состоящей въ самой близости отъ Парижа; тайно приказала въ немъ изготовить все, что надобно было для прїятнаго провожденїя дня, и сама туда поѣхала, написавъ письмо къ Дерикуру, которое послала съ надежнымъ слугою. По-

Посланной сей искренно любилъ Дамона; въ знакъ чего и розныхъ милостей къ себѣ, поступилъ въ сей случай противъ обыкновенной подлой души въ людяхъ его состоянїя. Ему прискорбно стало видѣть Дамона жертвою невѣрности столь наглой, къ тому жъ надежда быть вновь награжденну, пуще къ тому его подвигла. Онъ прямо пошолъ къ Дамону, объявилъ ему все умышляемое противъ него, и въ доказательство тому отдалъ ему письмо съ нимъ посланное къ Дерикуру, которое Дамонъ съ великой злостью развернувъ, прочолъ слѣдующее:

„На берегу рѣки Сены въ томъ обитанїи, гдѣ весельи царствуютъ, ожидаетъ тебя любовь Дерикуръ съ намѣренїемъ удовольствовать [есть ли только ты будешь умѣть пользоваться] важнѣйшими своими забавами; поспѣшай, не взирая ни на какой страхъ, всю споспѣществуетъ въ твоихъ желанїяхъ, и серлце наистрастнѣйшее готово здѣлать тебя наищастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

Дамонъ озлясь прискакалъ не мѣшкавъ туда, гдѣ Емилїя назначила дѣйствительную измѣну ему здѣлать; что ежели безмѣрно удивило ея по тому, что она Дамона къ себѣ не ожидала, и еще мень-

ше желала, то больше еще удивилась, увидя, что онъ извѣстенъ о причинѣ, которая привезла его въ то мѣсто. Однако по привычкѣ всечасной не потребствовать, она нимало не оторопѣла; и вмѣсто того, чтобъ такое приключенїе ею устыдило, оное умножило наглой дерзости ею; она больше огорчилась увидя надежду свою не предуспѣемой, нежели отъ того, что бесплутной поступокъ ея явенъ сталъ, и съ гордостїю вскричала, по какому праву онъ осмѣливается докучать ей, и повелѣвать выѣхать изъ такого мѣста, которое ему уже не принадлежитъ; но Дамонъ озлобленъ будучи, упрекалъ ея съ угрозами, и поѣхалъ отъ нея съ клятвеннымъ обѣщанїемъ умертвить новаго любовника ея; возвратясь же въ Парижъ, прямо проѣхалъ въ домъ къ Уранїи, къ которой съ тѣмъ вошолъ, что началъ обидными словами ругать Дерикура.

Лехче можно вообразить чѣмъ изъяснить удивленїе трехъ друзей въ ономъ случаѣ; Уранїя внятно выслушала начало рѣчи Дамоновой, которой конца дослушать никакъ не могла, ибо залилась горкими слезами, и закрывъ лице руками, казалось, согласилась бы понести на одной себѣ постыдное смущенїе Дамоново,

ново, ежелибъ онъ только могъ почувствовать свое заблужденіе. Мерендоръ, устремясь пристально на Дамона, казалось, сумнѣвался не привидѣніе ли то представляется въ глазахъ его; а мнимой Дерикуръ, поблѣднѣвъ трепеталъ, будучи устрашенъ злостью Дамоновой, и взглядывалъ то на Уранію, то на Мерендора, видомъ просящаго защищенія ихъ въ такомъ неправосудномъ оклеветаніи; Дамонъ же безовсякаго примѣчанія отъ движеній, приключившихъ ослѣпленной своей ревностію: озлобился больше еще за молчаніе Дерикурово, признавая то новою себѣ обидою, совсѣмъ обезпамятѣлъ, и ухватился за ефесъ своей шпаги, въ намѣреніи отмстить себя; чего Мерендоръ испужаясь бросился къ нему, и отолкнувъ его, вскричалъ: „что ты „дѣлаешь, негодной человѣкъ, до чего до„водитъ тебя слѣпая злость, и на чью „жизнь посягаешь ты, для познанія свое„го заблужденія; буде ты жаждешь про„лить кровь, мучитель, пойдѣмъ отсю„да; это мѣсто неспособно для такого „позорища, поди за мной, означь сево„днишней день звѣрской злостью, Мерен„доръ готовъ вмѣсто всѣхъ понесть смерть отъ тебя?

Серд-

Сердитой голосъ Мерендоровъ укротилъ нѣсколько горячности Дамоновой. Казалось, что дружба поверхность взяла въ томъ: „не ты обидѣлъ меня, отвѣ„чалъ онъ съ нѣкоторою ласкою, за что „ты вооружаешся противъ меня? Ахъ! „Мерендоръ, ежелибъ ты могъ знать волненїе души моей, тобъ конечно со„гласился со мною, что я довольно от„мстить не могу измѣннику, которой „подвергаетъ меня толикому жестокому „мученїю.

Смущенїе, которое видно было какъ въ глазахъ такъ и во всѣхъ движенїяхъ Дамоновыхъ, ясно доказавало, что онъ не властенъ въ себѣ былъ; Мерендоръ же, которой зналъ свойство всѣхъ человѣческихъ слабостей, внутренно больше сожалѣлъ о Дамонѣ, чѣмъ винилъ его.

„Эхъ! Дамонъ, сказалъ онъ печаль„нымъ голосомъ, по такимъ ли поступ„камъ надлежало мнѣ признать своего „друга?

„Твой другъ, отвѣчалъ Дамонъ го„лосомъ презрительнымъ къ самому себѣ, „недостоинъ больше такого наименова„нїя отъ тебя, ищи себѣ добродѣтель„наго друга, а я уже перестал быть „такимъ, сердце мое подражающее не„обузданнымъ страстямъ недостойно „тебя.

„тебя. Я самъ то чувствую, и стыжусь „тѣмъ, только совсѣмъ тѣмъ не имѣю „довольной силы побѣдить оныя.

„Кто умѣетъ познавать свои слабости, тотъ умѣетъ ихъ и поправлять, „отвѣчалъ Мерендоръ, я бъ извинилъ тебя, „Дамонъ, ежелибъ ты подобно слѣпому на удачу идущему возлѣ пропасти, „избралъ бы подражать пороку не предъусмотря пагубы грозящей; но знавъ вредъ „того, и не токмо удаляться, а попускать себя безразсудно къ тому: ахъ! „Дамонъ, чѣмъ можешь ты извинить себя „передо мной: однакожъ буде тебѣ надобно достовѣрное доказательство въ заблужденіяхъ, въ которыя страсть влечетъ тебя; готовься почувствовать вину „свою, увидя истинну, и познай въ „томъ Дерикурѣ, котораго ты своимъ „соперникомъ называешь, любезную и добродѣтельную Викторію, столько украшающую свой полъ, сколько Емилія посрамляетъ оной.

Такою повѣренностью Мерендоръ въ изумленіе привелъ Дамона; какое противное прежнему волненіе почувствовалъ онъ внутренно? Смущеніе заступило мѣсто злости. Мерендоръ, вскричалъ онъ: какую тайну открылъ ты „мнѣ?

„Самую

„Самую справедливую, отвѣчалъ „Мерендоръ; другъ твой не въ состоянїи „лгать.

„Чтобъ сумнѣваться въ твоихъ рѣ„чахъ, надобно не знать тебя, сказалъ „Дамонъ; но какими глазами долженъ ты „на меня смотрѣть, Мерендоръ, и како„му презрѣнїю удостоилъ я себя той „любезной женщины.... И что можетъ „о мнѣ думать добродѣтельная Уранїя „видя меня безъ оправданїя, совсѣмъ тѣмъ „буде можетъ извиненїе служить во „оправданїе моего заблужденїя? Прочти, „Мерендоръ, продолжалъ Дамонъ, подавъ „ему то письмо, которое Емилїя писала „къ Дерикуру, но въ число проступковъ „моихъ, не пріобщай злохищренїя.

Мерендоръ прочолъ въ слухъ письмо. „По окончанїи котораго вскричала Ви„кторїя, о боже! не ужъ ли вчерась я ви„дѣла ту Емилїю у госпожи Дежуанвиль, „и о заблужденїи которой давича мы го„ворили, она только одна женщина, въ „которой я могу упрекать себя, что спо„собствовала ко утвержденїю ея чаять „меня своимъ любовникомъ.

На это Дамонъ отвѣчалъ Викторїи, что очень не давно, какъ Емилїя созналасъ съ госпожею Дежуанвиль.

„Такъ

„ Такъ ужъ и сумнѣнія въ томъ нѣтъ, „ сказала Уранія, это конечно она: ка„ кой нещастной случай подвигнулъ ея „ къ намѣренію въѣхать въ тотъ домъ, „ для встревоженія насъ?

Послѣ сего Мерендоръ объявилъ Дамону обращеніе Емиліино съ Викторіей, чая быть ея мущиною: „ Смѣйтесь те„ перь моему смущенію, вскричалъ Да„ монъ, будте свидѣтельми стыда моего „ отъ лехковѣрія претерпѣваемаго, Ура„ нія, Мерендоръ, и вы, которую я толь„ ко для того узналъ, чтобъ обидѣть „ столь звѣрски; ахъ! ежелибъ вы могли „ вообразить внутренное мое волненіе „ отъ сего поступку, то конечно по„ чли бъ себя довольно отмщенну.

„ Дай боже! чтобъ это послѣдней „ проступокъ ты здѣлалъ, отвѣчалъ Ме„ рендоръ, оставя неблагодарность, кото„ рою ты за любовь нашу къ себѣ пла„ тилъ, изъ насъ нѣтъ ни одного, вклю„ чая и Викторію тутже, которой бы не „ согласился забывъ всю, возобновить друж„ бу искреннею къ тебѣ..... Только! „ я еще боюсь, чтобъ Эмилія.....

„ Не опасайся того, съ восхищеніемъ „ перебилъ ево рѣчь Дамонъ, невѣрность „ ея хотя дѣломъ и не оказалась, но бы„ ла въ сердцѣ, и заблужденіи, до кото-

„ рыхъ

„рыхъ она меня довела, совершили непо-
„требство ея; ково презираешь, тово
„уже любить неможно; и я о ней не
„инако думаю, какъ съ ужасомъ, даже
„имя ея стыжусь выговаривать, я ужъ
„больше съ ней не увижусь, въ томъ
„присягаю. . . . . Такимъ образомъ Да-
„монъ обѣщался больше Емилїю не лю-
„бить. Всевозможное извиненїе принесъ Викторїи въ горячности своей, во увѣре-нїе чего изъяснилъ раскаянїе столь чув-ствительное и столь искренное, что не можно было сумнѣваться въ намѣренїи ево не допускать себя впредь впасть въ подобныя продерзости.

Съ того часа тишина и спокойствїе возобновились въ любезномъ обществѣ; Дамонъ извинителенъ, что повиновался первой слабости; да и естьли хотя одинъ человѣкъ, которой бы могъ оправдаться въ томъ проступкѣ, не льзя упрекнуть его, чтобъ онъ нарушилъ когда нибудь долгъ справедливости и любочестїя. Хвалы достойной его нравъ утверждалъ безсумнѣнно въ безпритворной искренности той. Такое хорошее мнѣнїе о немъ заставило Мерендора съ согласїя Викторїина безо всякаго размышленїя открыть Дамону причину одежды мужеской той молодой женщины, о всѣхъ обстоятель-

обстоятельствахъ прежде и послѣ послѣдуемыхъ, о причинѣ любви своей къ ней; наконецъ о взаимной ея страсти къ себѣ, что разсказавъ со всѣми околичностьми наичувствительнымъ образомъ: сказалъ, „боже дай тебѣ подобную судьбину; „таковая только прилична твоему сердцу; и такая только можетъ назваться „совершенно благополучной. Ахъ! Дамонъ, какъ пріятно признаваться себѣ „въ таковыхъ сердечныхъ движеніяхъ, и „какъ не стыдно побѣждену быть такими чувствами: конечно, сластолюбіе „непорочное и истинное удовольствіе „заключаются единственно въ союзѣ „сердца, разума и разсудка; ежели жъ „которое изъ сихъ чувствъ отдѣленно, „тогда и благополучія не льзя ожидать.

Однако жъ злохищренная Емилія очень испужалась упрековъ и угрозъ Дамоновыхъ; ибо не токмо она теряла въ немъ любовника, надъ которымъ владычествовала, но въ прибавокъ къ тому и Дерикура видѣла подверженна мщенію соперника озлобленнаго. Оное принудило ея не мѣшкавъ ѣхать въ Парижъ для свѣдѣнія обстоятельнаго о поступкѣ Дамоновомъ.

Домъ Емилиинъ съ Дамоновымъ почти рядомъ были; сосѣдство такое ближнее

служило ихъ любви удобностїю для свиданїя, въ приключившемся же случаѣ сей способъ служилъ ей и для освѣдомленїя о поступкѣ Дамоновомъ; она тотчасъ свѣдала, что онъ прямо отъ нея проѣхалъ въ домъ къ Уранїи, изъ котораго выѣхалъ вмѣстѣ съ Мерендоромъ.

Дамонъ часто и спокойно провождалъ время свое въ обществѣ того щастливаго соперника; такое обстоятельство противъестественнымъ казалось Емилїи, однакожъ дружба, которую онъ прежде имѣлъ къ Мерендору, могла возобновится въ такой случай, въ которой невѣрность обличившаяся, препятствовала любви истребить изъ сердца Дамонова добродѣтельные совѣты друга его; то было разсужденїе Емилїино, которое совершенно истребило ея склонность къ Дерикуру, сердце ея огорченно стало потерянїемъ любовника столь покорнаго себѣ, и хотя въ томъ содѣйствїи любовь соучастїя нималаго не имѣла; но самолюбїе подѣйствовало въ сердцѣ ея столь сильно, сколько бы самая воспламененная страсть могла преклонить ея къ тому. Емилїя такъ коротко знала слабость сердца своего любовника, что безсумнѣнна была вновь побѣдить его, лишь бы увидѣться съ нимъ безъ свидѣ-

телей,

телей, въ которой случай способнымъ щитала употребить всѣ хитрости любви притворной, и наглости, и для ускорительнаго въ томъ успѣху подкупила камердинера Дамонова, которой допустилъ ея вечеромъ войти въ кабинетъ своего господина.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЛЮБОВНИКИ ФИЛОСОФЫ,

или

СТРАСТЬ ПРЕДВОДИМАЯ РАЗСУЖДЕНІЕМЪ.

Часть II.

* * *

Прежде нежели Дамонъ влюбился въ Емилію, онъ имѣлъ привычку всякой вечеръ посвящать по два часа наукѣ, къ возобновленію котораго провожденія Мерендоръ склонилъ его опять, въ томъ мнѣніи, что упражненіе сіе способствуетъ много къ отвращенію его отъ страсти столь сильно вкорененной въ немъ. Тотже кабинетъ былъ опредѣленъ для

онаго упражненїя; вообразите только удивленїе Дамоново, какъ онъ вошедъ, нашелъ въ немъ Емилїю, неподобно лежащую на софѣ и въ такомъ смущенїи, которымъ сластолюбїе и развращенїе, казалось, украшали пріятствомъ горесть ея.

Волненїе, которое почувствовалъ Дамонъ, увидя ея вообразилось ему зловреднымъ предсказанїемъ его твердости; оно его такъ устрашило, что онъ хотѣлъ убѣжать отъ видимой погибели: но Емилїя вскоча съ мѣста своего, удержала его, и будучи увѣренна въ успѣхѣ своего ухищренїя, сказала:

„Не стыдно ли тебѣ, неблагодарной „человѣкъ, являть себя столь нечувстви- „тельна къ любви моей, и въ то время „какъ я для тебя забыла должность „свою, не уже ли ты ничего для меня „не здѣлаешь, чѣмъ столько я провини- „лась передъ тобой? Ахъ безсовѣстная, „отвѣчалъ Дамонъ [которому сїя рѣчь „подала силу говорить] или невѣрность „твоя не ясно обличилась, и.....

Емилїя перебила его рѣчь, и силою посадя его возлѣ себя, сказала ему страстнымъ голосомъ, жавъ его руку, „ахъ! Дамонъ, чрезъ что ты могъ

„за-

„заключить меня невѣрной себѣ, и ка-
„кимъ образомъ могъ ты вздумать,
„чтобъ я подлинно предпочла тебѣ Де-
„рикура; Емилїя не можетъ быть ни чьей
„кромѣ твоей; будь въ томъ увѣренъ, Да-
„монъ, я примѣтя, что Дерикуръ притво-
„рился быть влюбленъ въ меня, съ на-
„деждою, что я не упущу истинно по-
„любить его, сей глупой умыселъ мнѣ
„очень смѣшонъ показался, и для того я
„вздумала обратить на него ту насмѣшку,
„которую онъ предуготовлялъ мнѣ; я
„увѣрена была, что ты къ нему не мо-
„жешь приревновать. Человѣкъ влюблен-
„ной легко обманутъ бываетъ. Дамонъ
уже зналъ Дерикура женщиною, и по той
причинѣ нашолъ въ Емилїиномъ оправданїи
такое сходство съ правдою, что взом-
нилъ его о томъ и извѣстной быть.

„Дерикуръ конечно для меня неопа-
„сенъ! отвѣчалъ онъ, но не уже ли ты
„вѣдаешь? . . .

Намѣренїе Емилїино состояло въ томъ, чтобъ оправдаться молодостью Дерикуровой, которой конечно не могъ имѣть много способности въ любовномъ обстоятельствѣ; но усмотря изъ отвѣту Дамонову нѣкоторую въ томъ тайну, будучи столь способна къ хитростямъ тотчасъ

предприняла выведать искуснымъ образомъ, сію загадку.

„Я всю вѣдаю, сказала она голосомъ „отважнымъ..... Ахъ! да ктожъ могъ „тебѣ открыть сію тайность, сказалъ „Дамонъ? Молва народная, отвѣчала „Емилія, всякая на свѣтѣ тайна под„вержена проницанію оной. Этотъ отвѣтъ могъ легко обмануть Дамона, что Емилія извѣстна о тайнѣ мнимаго Дерикура, однакожъ совсѣмъ тѣмъ бояся ошибиться, ничево ей на то не отвѣчалъ. Молчаніе ево и видъ удивленія больше еще умножили Емилію любопытство. „Да чтожъ столько те„бя удивляетъ, сказала она ему тѣмъ „же голосомъ хитрымъ, Дерикуръ часто „бываетъ у госпожи Дежуанвиль, я у „ней съ нимъ спозналасъ, развѣ мудрено „было мнѣ свѣдать такую тайну, ко„торую между истинныхъ пріятелей не „стараются скрывать.

Тогда Дамонъ ужѣ безсумнѣнъ сталъ, что Емилія знаетъ о тайнѣ Викторіиной, разсуждая, что или Дерикуръ нечаянно какъ нибудь подалъ въ себѣ сумнѣніе, или, можетъ быть, Уранія открыла госпожѣ Дежуанвиль приключенія своего друга.

„Естьли

„Естьли то, что ты мнѣ сказыва-
„ешь теперь, правда, отвѣчалъ онъ Еми-
„лїи, для чего жъ тогда какъ я счолъ
„тебя невѣрной, не вывела ты меня изъ
„столь жестокаго сумнѣнїя; или тебя
„веселитъ мученїе милаго человѣка,
„ты бъ тѣмъ могла успокоить рев-
„ность мою; для чево жъ ты скрыла
„отъ меня тайну столь нужную покою
„моему, сколь важную для настоящаго
„полу Дерикирова?

Емилїи болѣе сего нужды не было для совершеннаго извѣстїя; и хотя то узнанїе не мало удивило ея, совсѣмъ тѣмъ она имѣла довольно осторожности, чтобъ не показать того Дамону, стала ево убѣждать тѣмъ въ невинности своей, увѣряя, что она все то обстоятельно свѣдала прежде, нежели зачала говорить съ Дерикуромъ, отъ госпожи Дежуанвиль.

Емилїя оправдала себя также искусно, и въ презрительномъ своемъ отвѣтѣ, на прежнїе выговоры Дамоновы, сказавъ, что она въ намѣренїи испытать любовь его къ себѣ, тотъ съ нимъ поступокъ употребила. Дамонъ же обольстяся хитрыми ея рѣчьми, еще больше страстными приговорами, которые она къ тѣмъ пріобщила, тотчасъ позабылъ принятое намѣренїе больше не любить ея; пріятство,

соблазняющее побѣдило его разсужденіе, и затьмило въ одинъ моментъ въ памяти его и страстныхъ его друзей, и клятву имъ данную. Емилія умѣла пользоваться своею побѣдою, представила ему уѣхать на нѣсколько время въ свою деревню, состоящую въ 10. миляхъ отъ Парижа: тогда Дамонъ уже не могъ преслушенъ быть ея воли, всѣ ея желанія стали быть уставомъ для него, и тѣ минуты, въ которыя онъ отъемлемъ былъ отъ своей слабости, казались, только для того ево отъ оной отвратили, чтобъ тогда ей торжествовать побѣдою своею съ большимъ успѣхомъ; онъ согласился на представленіе Емилїино и поѣхалъ тотже день съ нею.

Однакожъ узнаніе пóлу Викторїина, совсѣмъ тѣмъ озлобило злоумышленно Емилію, и любовь, которую она имѣла къ Дерикуру, премѣнилась въ звѣрскую ненависть къ безвинной Викторіи, признавая одну ею причиною презрѣнія, которое ей слѣдовало имѣть къ тому случаю, котораго отвагою она подвергала себя такому бѣдствію: и за то она вознамѣрилась конечно отмстить ей. Дамонъ невѣдѣніемъ способствовалъ ей въ томъ негодномъ умыслѣ; ибо онъ очень хорошо началъ, чтобъ не докончить, онъ разсказалъ Емилїи всѣ

всѣ обстоятельства прежде и послѣ послѣдуемыя мужеской одежды Викторіиной, о любви Мерендоровой къ ней, наконецъ о всемъ, что онъ ни свѣдалъ отъ того друга.

Емилія будучи довольна, что имѣетъ случай погубить Викторію, приняла намѣреніе ничего не упустить для свершенія того. Одинъ Дорантъ могъ способствовать тому ея намѣренію, и для ускоренія того она написала къ нему чрезъ нѣсколько дней, слѣдующее письмо:

„Единственно, пріемля участіе въ „пользѣ вашей, причиною, что вамъ со„общается тайна, которая безсумнѣнно „печалитъ васъ; Викторія, укрывшаяся „въ домѣ Уранііномъ, и носящая муже„скую одежду, пользуется тѣмъ способомъ „для невозбранныхъ свиданій съ любов„никомъ. Оное извѣстіе сообщается вамъ „въ томъ точно намѣреніи, чтобъ тѣмъ „услужить вамъ и всей вашей фамиліи, „которая безъ прискорбности смотрѣть не „можетъ приключающее поношеніе самою, „той, которая бъ должна была стараться „о славѣ оной, въ награжденіе участія пріемлемаго требуютъ отъ васъ только „скрытность ненарушимую объ ономъ „письмѣ, прости.

Между

Между тѣмъ, что могли думать лехковѣрные друзья слабаго Дамона: они очень испужались, проводя цѣлыя сутки не видавшись съ нимъ, назавтрѣе Мерендоръ поѣхалъ къ нему, гдѣ свѣдалъ объ отъѣздѣ его съ Емилїею, которое извѣстїе устрашило и огорчило его, Уранїю и Викторїю. Во время какъ онѣ о семъ сокрушались, одинъ день Мерендоръ, пробывъ нѣсколько часовъ послѣ обѣда у Викторїи, принужденъ былъ для необходимыхъ нуждъ растаться съ нею прежде обыкновеннаго часа; и какъ Уранїя съ Викторїей остались однѣ; вдругъ къ нимъ вошедъ сказали, что нѣкто гость пріѣхалъ, которой вошолъ къ нимъ такъ торопливо, что тотъ человѣкъ, котораго онъ послалъ объявить о своемъ пріѣздѣ, не успѣлъ къ нему выйти съ отвѣтомъ. Сначала Уранїя не узнала его: но Викторїя какъ скоро взглянула на него, то вскричала, ахъ братъ! . . . . будучи не въ состоянїи больше ничего выговорить . . . . „Доранть, вскрича„ла Уранїя, боже мой, тайна наша от„крыта . . . . . безпутной Дамонъ, „только сего знаку не доставало отъ „тебя . . . .

Уранїя подбѣжала и тотчасъ стала помогать другу своему Викторїи, которая только

ко для того опомнилась, чтобъ горько заплакать.

„Я пропала, сказала она, Уранія....
„Любезная Уранія не покинь меня.

Уранія столькожъ оторопѣвъ какъ Виктоpія, не въ состояніи была инаго отвѣта здѣлать, какъ жать руку ея; однако одумавъ какъ должно ей въ томъ случаѣ поступить, помощію разсужденія пользовалась: обидныя слова, коими Дорантъ ругалъ Викторію, возбудили въ ней храбрость, неслыханную въ женщинѣ.

Злость Дорантова нимало не страшила ужъ ея; она начала отвѣчать ему столько смѣло, сколько цѣломудренно, стала оправдавать поступокъ друга своего, и упрекать его намѣреніями, постыдными противу сестры имѣть.

рѣчи Уранiины нѣсколько въ робость привели Доранта, которой не отвѣчая на упреки ея, сталъ извинять поступокъ свой тѣмъ, что получилъ извѣстіе о непорядочномъ поведеніи Викторiиномъ въ домѣ ея.

„Я согласуюсь и на то, чтобъ о-
„правдать ея въ томъ, отвѣчала Ура-
„нія. Я Викторіи представила домъ свой
„прибѣжищемъ, я присовѣтовала ей но-
„сить одежду мужескую, въ которой

„ты

„ты ея теперь видишь, въ намѣренїи „точно спасти ея отъ твоего гоненїя; „здѣсь все отвѣтствовать тебѣ можетъ „въ невинности ея и добродѣтели.

Дорантъ чаялъ испужать Уранїю, подавъ ей письмо Емилїино; но Уранїя такъ какъ и Викторїя, тотчасъ узнали кто вымыслилъ тотъ вредъ имъ нанесть.

„Ахъ, Викторїя, сказала ей Уранїя, „сколько сердце мое рвется! Могла ли я „ожидать, чтобъ ты подверженна была „такому злохищренному злодѣйству!

„Согласны ли вы дать мнѣ нѣсколько вре„мени, сказала она потомъ Доранту, чтобъ „уличить при васъ ту негодную женщину, „которая писала сїе зловредное письмо?

„Конечно нѣтъ, отвѣчалъ Дорантъ „свирѣпымъ голосомъ, я больше время „не имѣю, какъ столько, чтобъ не медля „ѣхать съ Викторїею.

„Очень хорошо! пусть она ѣдетъ съ „вами, отвѣчала Уранїя, только дозвольте „мнѣ себя спросить, какую судьбину вы „опредѣляете сестрѣ своей?

Вопросъ сей очень не полюбился Доранту, и онъ инаго не нашелъ во отвѣтъ, какъ съ насмѣшкою сказалъ, что въ томъ онъ никому отчету не намѣренъ давать; а считаетъ себя властнымъ по всѣмъ правамъ повелѣвать Викторїею.

„Одна-

„Однакожъ вы сею властїю такъ „свободно не будете ползоваться какъ „чаете, отвѣчала съ горячностїю Уранїя: „я ея изъ своего дому инако не выпущу, „какъ въ такое мѣсто, гдѣ честь ея бу„детъ въ безопасности, которое мѣсто „полагаю въ вашу волю избирать съ „тѣмъ, что сама поѣду туда ея про„водить.

Оная рѣчь столько озлобила Доранта, что онъ не умѣлъ воздержать себя, и для устрашенїя Викторїю, съ отважнымъ ея товарищемъ, не оставя ни одной подлой брани, ни ругательства обиднаго, которыми бъ не язвилъ ихъ; но совсѣмъ тѣмъ всѣ оное не споспѣшествовало для желаннаго успѣха, и ежели Уранїя довольно была великодушна, что жертвовала терпѣнїемъ своимъ, для охраненїя чести друга своего, которой сїе приключенїе будучи явно, могло нанесть поношенїе; то нимало не испужалась угрозъ Дорантовыхъ, а твердо осталась въ принятомъ своемъ намѣренїи. И наконецъ Дорантъ принужденъ былъ согласиться на ея требованїе.

Тогда Уранїя наклонясь къ Викторїи, шепнула ей, „поѣдемъ, любезной другъ! „День храбрости и добродѣтели наступилъ, богъ защитникъ невинности не „оста-

„оставитъ тебя, кротость любовника „твоего служитъ тебѣ утвержденіемъ „въ его постоянствѣ, подкрѣпляй себя „Философіею, которой ты доднесь по„дражала. пожалуй Викторія, слѣдуй „своему разсужденію, я всего отъ него „ожидаю.

Сіи рѣчи ободрили Викторію; она утерла слезы свои, дружески пожала руку Уранінину; и вышла въ другую горницу въ женское платье переодѣться; но не въ состояніи была уѣхать, не оставя знаку страстной своей любви Мерендору; написала, какъ могла скоряе, слѣдующее письмо къ нему, которое отдала Уранінной дѣвкѣ ему вручить.

ПИСЬМО ОТЪ ВИКТОРІИ КЪ МЕРЕНДОРУ.

„Измѣна и неправосудіе вооруженны „противу насъ, Мерендоръ. братъ „мой, свѣдавъ о мѣстѣ моего убѣжища, „пріѣхалъ удалить меня отъ того, кто „для меня дороже всего въ свѣтѣ. Я „ѣду..... Боже мой! Могла ль дави„ча я думать, что я въ послѣдней разъ „съ тобою видѣлась? Но что я говорю, „статься тому не льзя! Я, не отчая„ваюсь еще въ надеждѣ видѣть перемѣну

„въ

„въ нашей судьбинѣ, вооружимся до „тѣхъ поръ терпѣнїемъ, которое раз„сужденїе не можетъ отлучить отъ „сердецъ сопряженныхъ самимъ имъ; „такая любовь, какъ есть наша, никогда „не бывала покорна непостоянству вре„мени, добродѣтель твоя служитъ мнѣ „залогомъ въ твоей вѣрности, въ моей „же ты долженъ безсумнѣнъ быть, „и то увѣренїе должно тебя прину„дить терпѣливо сносить наше злоклю„ченїе. Отъ Уранїи ты свѣдаешь о „всѣхъ прискорбныхъ обстоятельствахъ, „которыя я имѣла передъ отъѣздомъ „своимъ, великодушная дружба не до„пустила ею предать меня во власть „Дорантову. Она ѣдетъ со мною, ожи„дай ея возврату, увѣщеваю тебя не „мстить никому изъ нашихъ злодѣевъ, „желанїе сохранить себя для меня дол„жно тебя не допустить до того; наи„паче не предпрїимай ничего противъ „Доранта; помни, что онъ мнѣ братъ, „и что одно это имя, я хочу, чтобъ „тебя обезоружило противу него. Сей „есть одинъ предѣлъ, которой предпи„сываетъ тебѣ та любовница, которая до „какого бъ состоянїя доведена ни была, „и среди самыхъ лютѣйшихъ напастей, „не станетъ инымъ упражняться, какъ

„тобою; прости Мерендорѣ, прости....
„Не переставай любить страстную Ви-
„кторїю.

Между тѣмъ Уранїя учреждала надлежащїя предуготовленїя къ отъѣзду, избѣгая тѣмъ звѣрскихъ рѣчей Дорантовыхъ. Она взяла двухъ надежныхъ своихъ слугъ съ собою, и вмѣстѣ съ Викторїей сѣла въ шездепостъ, а Дорантъ передъ ними поѣхалъ верьхомъ предпровождая ихъ въ ***

Уранїя пользуясь способнымъ временемъ, увѣщевала огорченную Викторїю не крушиться, обѣщавъ ей присылать, сколько можно, чаще пи́сьма отъ Мерендора. На оное Викторїя объявила ей о письмѣ, которое передъ отъѣздомъ своимъ къ нему написала, и просила ея о продолженїи всегдашней ея дружбы къ Мерендору: „не допускай его углублять-
„ся въ печали, говорила она ей, скрой
„отъ него, естьли то надобно, часть
„моего огорченїя, только лишь не за-
„бывай напоминать о любви моей къ
„нему: тебѣ! любезная Уранїя, по-
„ручаю увѣрять его въ томъ, сотвори
„милость, не презри моего прошенїя.

Во время сего разговора, Уранїя горько плакала, вся твердость ея колебнулась,

лась, видя жалкое состояніе Викторіино, ей очень чувствительно было видѣть ея невинной жертвою слѣпой повѣренности, которую онѣ съ Мерендоромъ имѣли клятвѣ Дамоновой; хотя и разговаривала ея всевозможными обнадеживаніями, для успокоенія ея въ печали.

„Викторія, любезной и страстной „другъ, говорила она ей, какими гла„зами смотришь ты теперь на сла„бость моего сердца, къ тому бездѣль„нику, которой причиною всей твоей „напасти? Не должно ли было мнѣ у„знать его прежде, нежели полюбить, „отъ сколькихъ бы горестей я тѣмъ „тебя спасла? Но не вини въ томъ меня, „неблагодарной меня обманулъ, и Ме„рендора также, мы оба чаяли его до„бродѣтельнымъ, можно ль было ду„мать, боже мой! чтобъ ты была жер„твою нашей ошибки?

Викторія еще не выговаривала до тѣхъ поръ имя Дамонова, боясь возобновить горесть Уранііну. Но во отвѣтъ на оное сказала съ нѣкоторою ласкою: „Дамонъ можетъ быть меньше вино„ватъ, чѣмъ мы его находимъ; но по„ложимъ, что онъ и виноватъ, за чтожъ „мнѣ винить твою чувствительность, „можно ли было тебѣ отвѣтствовать

„въ хитростяхъ, кои онъ для обмана „употребилъ, и не всечасно ли видимъ „мы добросердечныхъ людей обману„тыхъ безсовѣстными? Пожалуй не „думай такъ худо обомнѣ, чтобъ я мо„гла такъ неправосудно мыслить. Ахъ! „ежели бъ Дамонъ могъ оказать себя „достойнымъ въ мысляхъ любезной мо„ей Уранїи, то бъ я почла горести отъ „него претерпѣваемыя довольно удобле„творенными!

„Чтобъ этотъ бездѣльникъ, и об„манщикъ былъ достоинъ сердца моего, „отвѣчала Уранїя, съ благородною гор„достїю! Нѣтъ, Викторїя, конечно „оное случиться не можетъ; я увѣренна, „что съ нимъ во вѣки никакого обяза„тельства имѣть не буду; я любила „Дамона пока его щитала въ состоянїи „быть добродѣтельна, но узнавъ его „подлой души, сама бъ себя возненави„дѣла, ежелибъ столько слабости мо„гла имѣть, чтобъ еще его любить.

„Авосьлибо богъ его возвратитъ на „путь добродѣтельной, отвѣчала Викто„рїя; и ежели бъ желанїемъ своимъ я „могла способствовать, то бъ конечно „тебѣ не осталось ничего желать: да я „въ томъ не вовсе и безнадежна; стать-

„ся

„ся можетъ, что я льщусь тѣмъ отъ „большаго желанія.....

„Окончимъ сію рѣчь, перебила съ „восхищеніемъ Уранія, одно напомина„ніе о немъ ужъ безмѣрно горчитъ „меня.

„Станемъ же о себѣ говорить, от„вѣчала на это Викторія; не переста„нешь ли ты Уранія любить меня? Во „мнѣ жъ будь увѣренна, что един„ственное мое упражненіе будетъ лю„бить тебя и Мерендора; мысль моя „всегда будетъ наполненна вами; тѣло „одно будетъ отдаленно отъ васъ, душа „жъ вся неотлучна при васъ останется.

„Ахъ! любезная Викторія, отвѣчала „Уранія, любовникъ и другъ истинной, „могутъ ли на моментъ перестать тебя „любить и мыслить о тебѣ? Конечно „ты будешь служить содержаніемъ на„шихъ разговоровъ, и не отлучна бу„дешь отъ сердецъ нашихъ.

Сія рѣчь сопряженная ласкою съ сумнѣніемъ, пресѣчена была Дорантомъ, которой подъѣхалъ объявить Ураніи, что отъ находящагося мѣста въ милѣ есть аббатство, которое онъ избираетъ для Викторіи. Уранія очень довольна была симъ мѣстомъ; она слыхала великую похвалу той обители, и такъ все ея

обнадеживало въ учтивостяхъ и снисхожденіяхъ противъ Викторіи; нещастная любовь причиною была основанію того аббатства, отъ нея жъ и первой кирпичь положенъ.....

.....

.....

Ласковой пріемъ игуменьинъ обнадежилъ очень Уранію и Викторію тѣмъ паче, что оная монахиня съ первой встрѣчи Викторію полюбила, и обѣщалась употребить всю, что можетъ способствовать ей пріятно вести жизнь уединенную: Дорантъ же слушая учрежденія Уранины, которыя совсѣмъ противны были его намѣреніямъ, немало злобился; но знавъ твердость оной благоразумной женщины, не смѣлъ ни въ чемъ противорѣчить ей, а только ожидалъ съ нетерпѣніемъ, чтобъ она уѣхала для совершенія звѣрства своего противъ Викторіи.

Уранія предвидѣла Дорантовы намѣренія, и для того нужнымъ почла для воспрепятствованія тѣмъ, оставить тайнаго надзирателя надъ нимъ, которой бы ею увѣдомлялъ о всѣхъ его поступкахъ, въ которыхъ случаяхъ могла бъ имѣть время не допускать его до успѣху желаннаго: для сего избрала она одного надежнаго изъ помянутыхъ съ собою взятыхъ людей;

и

и сама назначила ему мѣсто, гдѣ жить по близости отъ монастыря, приказавъ ему присылать къ себѣ всѣ пи́сьма, кои онъ будетъ получать отъ Викторїи, равно какъ, и ей чтобъ не медля исправно вручалъ всѣ, которыя къ нему присыланы будутъ, паче всево приказала содержать тайну ту ненарушимо.

Столь благоразумныя, осторожности казалось, обѣщали нѣкоторое утѣшенїе Викторїи въ новомъ ея состоянїи, въ надеждѣ, которой Уранїя не сколько успокоену себя находила, но то успокоенїе не долѣе продолжилось, покамѣстъ пришло время прощаться съ Викторїей, которая столь чувствительно огорчена была воображенїемъ состоянїя Мерендорова, что торопилась какъ можно скорѣй приближить тотъ лютой моментъ: „поѣжжай, „любезная Уранїя, сказала она ей, друж„ба зоветъ тебя въ другое мѣсто, Ме„рендоръ имѣетъ великую нужду въ по„мощи твоей, не отрекись оную ему „подать, успокой его печаль, я того же„лаю; лишъ бы тѣмъ любовь его ко мнѣ „не уменшилась, прости, любите оба „меня; въ томъ заключаетъ единствен„ное свое желанїе Викторїя.

Слезы пресѣкли ея рѣчь; а Уранїя, слѣдуя обыкновенной своей твердости,

выдернулась изъ ея рукъ, и пожавъ дружески руку ей ушла, и съ возможною торопливостiю поѣхала въ Парижъ.

Между тѣмъ въ какомъ состоянiи былъ Мерендоръ, свѣдавъ о злощастномъ прiключенiи, которое похитило унего то, что для него въ свѣтѣ дороже было, сердце его терзалось мучительными движенiями.

„ Викторiя у меня похищена, говорилъ „ онъ, Дорантъ свѣдалъ гдѣ она укрыва„ лась отъ него, только ктожъ открылъ „ ему тайну сiю?

Дамонъ одинъ былъ, на котораго онъ могъ взомнить то, однако совсѣмъ тѣмъ онъ не осмѣливался въ томъ своемъ сумнѣнiи утвердиться, чая тѣмъ обидить друга своего, онъ трепеталъ отъ ужасу, мысля только, что Дамонъ могъ быть тотъ измѣнникъ столь безсовѣстной, и письма Викторiина не довольно было для достовѣрнаго въ томъ подозрѣнiя, которое онъ многократно читая, болѣе огорчался, и восхищался любовью, непрестанно цѣловалъ его, горко плакалъ, и не токмо стыдился своей чувствительностiю, а находилъ въ томъ славу свою.

Симъ образомъ Мерендоръ провождалъ время во ожиданiи Уранiю, которая не успѣла еще на дворъ взъѣхать какъ онъ къ ней побѣжалъ.

„ Куда

„ Куда ты дѣвала своего друга, вскри-
„ чалъ онъ, и какимъ образомъ могла ты
„ Уранїя согласиться отпустить ею отъ
„ себя?

„ Всѣ мое стараніе противиться то-
„ му нималой помощи не принесло бы,
„ отвѣчала съ горестїю Уранїя, измѣна
„ самая злохищренная способъ для того
„ у меня отняла.... Однакожъ ты не
„ робей, Викторїя въ безопасномъ мѣстѣ
„ находится, и въ такомъ уединеніи, въ
„ которомъ обѣщались мнѣ стараться
„ всѣ употреблять ко утѣшенїю ея; она
„ тамъ будетъ упражняться о такомъ
„ любовникѣ, котораго бокотворитъ, и
„ для него станетъ себя беречь, тѣ суть
„ послѣднїя ею намѣренїя. Сколько ты, Ме-
„ рендоръ, щастливъ, что владѣешь столь
„ страстнымъ, вѣрнымъ и добродѣтель-
„ нымъ сердцемъ, и сколько пріятно быть
„ столь несумнѣнно увѣренну въ любви
„ милаго человѣка! Подумай только сколь-
„ ко я въ ономъ случаѣ нещастна.... Ве-
„ даешь ли ты все мое злополучїе?

„ Не ужъ ли ты имѣешь утвержденїе
„ въ моемъ страхѣ, сказалъ препетавъ
„ Мерендоръ: правда ли то, что Дамонъ...

Сїе письмо увѣдомитъ тебя больше моего, отвѣчала Уранїя, подавъ ему то, которое Емилїя писала къ Доранту.

Чтобъ вообразить о движенїяхъ, которыя подѣйствовали въ сердцѣ Мерендоромъ по прочтенїи сего письма, надлежитъ такъ чувствительну быть, какъ онъ былъ, въ которомъ онъ усмотрѣлъ не токмо причину отъѣзда Викторїина, но и честь оной добродѣтельной любовницы оклеветанну самымъ безсовѣстнымъ вымысломъ.

„Правосудный боже! сказалъ онъ, не „уже ли попустишь ты такое окаянство „безъ наказанїя, и претерпишь, чтобъ наи„совершеннѣйшее твое твореніе было „поругано тѣмъ, что натура произве„ла всево хуже!

Потомъ Мерендоръ обратилъ свое роптаніе къ безсовѣстному Дамону, которому принялъ намѣреніе отмстить.

„Что ты хочешь дѣлать Мерендоръ, „сказала ему Уранїя голосомъ сердитымъ? „Викторїину ль любовнику подлежитъ „повиноваться таковымъ движенїямъ? „Или ты забылъ то завѣщаніе, кото„рое она въ послѣднемъ своемъ письмѣ „предписаетъ тебѣ? И помнишь ли о „томъ, что жизнь твоя принадлежитъ „ей до тѣхъ поръ, что ты ни въ какомъ „случаѣ невластенъ отваживать оную? „Дамонъ же недостоинъ мщенїя твоего; „забудь, что онъ и на свѣтѣ есть, или

„только

„ только помни о немъ съ презрѣнїемъ,
„ печаль твоя продолжиться не можетъ,
„ всякой день протекающей сокраща-
„ етъ срокъ Викторїина невольства;
„ вообрази, сколько ты огорчишь еѳ, есть-
„ ли небреженїемъ своимъ лишишь себя
„ и еѳ щастїя пріобрѣтеннаго толикими
„ трудами? Презри Дамона, старайся не
„ сходиться съ нимъ, и отнюдь не посягай
„ на жизнь его; но что такое я говорю?
„ Какъ.... Ахъ! Мерендоръ.... боже мой!
„ не промолвилась ли я въ чемъ?

Мерендоръ увидѣлъ, что Уранїя со всею злобою на Дамона не умѣла истребить любви чувствуемой къ нему; онъ тотчасъ пресѣкъ свое роптанїе, и Уранїя разсказала ему о всѣхъ своихъ поступкахъ, и о способѣ, которой она изыскала для переписки его съ Викторїей; Мерендоръ очень тѣмъ обрадованъ сталъ, чувствительными словами благодарность свою изъяснилъ за то; и не медля воспользовался великодушнымъ еѳ попеченїемъ: тотчасъ написалъ къ Викторїи.

ПИСЬМО

ПИСЬМО ОТЪ МЕРЕНДОРА КЪ ВИКТОРІИ.

„ Я тебя теряю, а ты приказываешь мнѣ
„ быть спокойну; и запрещаешь кру-
„ шиться; или возможно съ такою любовью,
„ какъ моя къ тебѣ, быть столько тверду,
„ чтобъ спокойно сносить всѣ приключаю-
„ щіяся злополучія? Нѣтъ! любезная Ви-
„ кторія, буде я тебѣ и обѣщаю столько
„ цѣломудрія употребить въ поступкѣ
„ своемъ, то конечно увѣряю не имѣть
„ той бодрости духа, которой ты отъ
„ меня требуешь; это превосходитъ воз-
„ можность мою, и всю силу моей люб-
„ ви; скажу еще больше, всѣ разсу-
„ жденіе мое не согласуется съ тѣмъ;
„ какое ужасное состояніе! Жалѣй о мнѣ,
„ я тебя боготворю, лишенъ удовольствія
„ то тебѣ сказывать, ограбленъ благо-
„ получія читать въ глазахъ твоихъ стра-
„ стной возвратъ, которымъ ты награ-
„ ждаешь пылающую мою любовь; знаю
„ тебя претерпѣвающу гоненія неправо-
„ судныя, и жертвою оклеветанія без-
„ совѣстнаго; тѣмъ паче терзается духъ
„ мой, что я кромѣ себя виннымъ толи-
„ кихъ оскорбленій никого признавать
„ не могу; конечно Викторія, я тебя по-
„ губилъ, я измѣнилъ тайнѣ твоей; я тебя

„ жер-

„ жертвовалъ своему злощастному легко-
„ вѣрію, бывъ обманутъ бездѣльникомъ;
„ онъ уже опытъ того нрава своего пока-
„ залъ, на что было мнѣ ему вѣрить, и
„ я не послѣдовалъ той должности; ка-
„ кія жъ слѣдствія, великій боже, про-
„ израстаютъ отъ слабости моей, могу ль
„ довольно крушиться о томъ; и чемъ мо-
„ гу извинить себя передъ тобой? Напро-
„ тивъ чего, что жъ ты дѣлаешь? Сама
„ разговариваешь меня въ печали сей; лю-
„ бишь меня, робѣешь, чтобъ я не усу-
„ мнился въ томъ, инымъ не упражняешся,
„ какъ мною, и Уранія употреблена у-
„ вѣрять меня въ томъ; какими словами
„ могу описать такую милость, сколь-
„ ко доказываешь любви, великодушная лю-
„ бовница, могу ль я то возмѣрить жертвою
„ жизни своей; я жъ увѣренъ, что во мзду то-
„ го ты кромѣ страстной любви и нѣжно-
„ сти сердечной ничего не требуешь.
„ Ахъ! Викторія, ты одна достойна по-
„ велѣвать мною, одна ты и владыче-
„ ствуешь умомъ, душою и всѣми чув-
„ ствами страстнаго Мерендора; разсу-
„ жденіе мое въ томъ тебя должно увѣ-
„ рить; оно присудствовало при рожде-
„ ніи страсти моей, оно оную и утверж-
„ дило. Самоежъ сіе разсужденіе служить
„ мнѣ будетъ и для подкрѣпленія меня

„ въ

„ въ лютыхъ нашихъ злополучїяхъ; же-
„ лаю, чтобъ оное способствовало и ко у-
„ тѣшенїю тебя въ горестяхъ, и чтобъ
„ оное обязало тебя боготворить непоко-
„ лебимо до смерти того любовника, ко-
„ торой только для одной тебя ды-
„ шетъ.

Уранїя взялась оное письмо сослать къ Викторїи, въ которомъ сама приписала не сколько строкъ, чрезъ которыя увѣдомила ея̀ съ какимъ затрудненїемъ она могла утѣшить въ печали Мерендора.

„ Мнѣ не осталось ничего ко удостовѣ-
„ ренїю твоему въ страсти его, написала
„ она къ ней, я усмотрѣла, что онъ кра-
„ снорѣчивѣе меня въ томъ, въ чемъ
„ вы и сами думаю, согласитесь; утѣ-
„ шайся, Викторїя, естьли удоволь-
„ ствїе быть любимой можетъ служить
„ къ тому, здѣсь любовь хранитъ для
„ тебя совершеннѣйшее благополучїе. По-
вѣренной Уранїинъ вручилъ сїи пи́сь-
ма Викторїи, на которыя она отвѣчала слѣдующее:

ПИСЬМО ОТЪ ВИКТОРІИ КЪ МЕРЕНДОРУ.

„ Перестань нарекать на себя въ при-
„ чинѣ моего злополучїя, Мерендоръ,
„ ты

„ты чувствуешь оное съ такимъ огор-
„ченїемъ, что не долженъ виннымъ себя
„признавать, станемъ винить одну
„судьбину нашу, которая находитъ прї-
„ятство утѣснять сердца согласныя;
„Боже мой! какъ щастливы мы были;
„мы пользовались всѣми забавами, кото-
„рыми любовь страстная и дободѣтельная
„могла дозволить; только совсѣмъ тѣмъ
„не станемъ упражняться причиною пре-
„мѣны столь злополучной для насъ; ежe-
„ли теченїе время имѣетъ какое право
„надъ тѣмъ, по малой мѣрѣ никакова не
„имѣетъ надъ сердцами нашими; не-
„постоянство времени не можетъ довесть
„и любовь нашу до товожъ состоянїя,
„будучи увѣрены любить другъ друга
„вѣчно; можетъ ли что прїятнѣе сего
„для утѣшенїя нашего быть, конечно!
„Въ Мерендорѣ заключаетъ всю свою
„надежду Викторїя, подъ его предста-
„тельствомъ всѣ лютѣйшїя мученїя
„сносны мнѣ; онъ ободряетъ меня, онъ
„способствуетъ торжествовать моему раз-
„сужденїю; желаю, чтобъ оно столь-
„ко жъ дѣйствовало и тобою; тѣ суть же-
„ланїя страстной Викторїи о пользѣ твоей.

„Паче всего, любезной Мерендоръ,
„почитай Уранїю въ Дамонѣ, она сама
„отъ себя скрываетъ тѣ мысли стра-
„стныя,

„ стныя, которыя добродѣтель въ ней обли-
„ чаетъ, но твое любочестіе съ снисхо-
„ жденіемъ обязаетъ смотрѣть на сла-
„ бость ея: въ знакъ дружбы ея къ намъ.

Къ Уранiи жъ отвѣтъ ея состоялъ въ увѣренiяхъ вѣчной дружбы, и благодарности за неоставленiе въ печали Мерендора, съ прозьбою о пролженiи того: описавъ притомъ скуку, которую она претерпѣваетъ въ уединенiи своемъ, увѣдомляя, что братъ ея не пропускаетъ ни одного дня, чтобъ не приходить къ ней въ парлуаръ, въ которомъ она примѣчаетъ какъ по глазамъ ево, такъ по рѣчамъ, и по всѣмъ обращенiямъ то, что всего больше ея страшило отъ него.

„ Я не знаю, продолжала она, судьбины,
„ которую онъ мнѣ предуготовляетъ; но
„ ежели онъ употребитъ насильство, то
„ я не упущу поступить какъ честь и
„ любовь мнѣ повелѣваютъ; не сказывай
„ о семъ Мерендору, я боюсь тѣмъ встре-
„ вожить ево; но еще больше того
„ боюсь, любезная Уранiя, чтобъ мнѣ не
„ здѣлаться недостойной ево и твоей
„ дружбы.

Лишъ только что Викторiя отдала оное письмо повѣренному Уранiину, то братъ ея къ ней пріѣхалъ; чему она не

могла

могла удивиться, ибо онъ обыкновенно в якой день поднажды къ ней пріѣжжалъ; только тотъ разъ видъ злой и сердитой на лицѣ его опаснымъ предвѣщаніемъ казался ей быть.

И тѣмъ началъ говорить, что сказалъ ей грубымъ голосомъ; ты меня разумѣешь.... Я уже много разъ намѣреніе свое тебѣ объявлялъ.... Всѣ долженствовало къ тому тебя предуготовить.....

„Я уже мѣры свои взяла, отвѣчала „Викторія, ты въ судьбинѣ моей власстенъ, сердцемъ же повелѣвать не можешь, которому непорочность служитъ „предѣломъ, другагожъ никакова не пріемлетъ, пользуйся теперь своемъ правомъ, въ томъ воля твоя состоитъ.

„Посмотримъ долго ли ты упорствовать станешь, отвѣчалъ зломышленной, „Дорантъ, однако ты не во всѣхъ случаяхъ сіе разсужденіе сохраняешь, безсовѣстная, и любовникъ.....

„Я равномѣрно не уважаю несправедливыми твоими клеветами какъ угрозами, „сказала сердитымъ голосомъ Викторія; такое сердце какъ мое, никогда не имѣло причины стыдиться своими склонностьми, „и ежели то правда, что я могла полюбить „кого нибудь, то будь увѣренъ Доранть,

„что я въ томъ человѣкѣ нашла добро-
„дѣтели достойныя любви моей.

Тогда Дорантъ такъ обезспамятѣлъ, что конечнобъ звѣрски поступилъ съ любезной Викторіей; ежелибъ несобственно себя охраняя отъ поношенія воздержался, только совсѣмъ тѣмъ намѣренія неотмѣнилъ отмстить ей за то; онъ тотчасъ поѣхалъ изъ монастыря, и чрезъ часъ возвратился въ колескѣ, назначеной силою увесть Викторію; Викторія тщетно просила помощи своихъ товарищей но ни одна не осмѣлилась подать ей въ томъ случаѣ, ни сама игуменья, которая до того время казалась быть столь благосклонна къ ней, и которая столько обнадежила Уранію быть ея предстательницей, истинну сказать, не зная умыслу Дорантова, старалась еще уговаривать Викторію терпѣливо сносить то, и нижѐ какое сопротивленіе употребила для спасенія ея отъ той лютой напасти, которая довольно доказывалась слезами ея, а только Викторія будучи любима и подъ покровительствомъ знатнаго друга, показалась ей достойной увѣщеванія ея. И такимъ образомъ Викторія нещастная, и лишенная всякаго предстательства хотя всю столькожъ добродѣтельна, должна была почитать щастіемъ и то, что о ней сожалѣютъ;

понеже

понеже и то великою милостію къ ней сочтено было. Однакожъ Викторія принуждена была итти за неупросимымъ, братомъ своимъ, во время которое она обращала свои смущенные взоры во всѣ стороны, казалось, что искала кого нибудь, кто бъ столько великодушенъ былъ, чтобъ спасъ ею отъ той погибели; наконецъ увидѣла она повѣреннаго Уранїина въ слѣдъ за нею идущаго, которому приказано было надзирать всѣ поступки Дорантовы, которой видѣлъ какъ Дорантъ пріѣхалъ въ монастырь, какъ уѣхалъ, и какъ потомъ опять возвратился; оное обстоятельство привело его въ сумненїе, что Дорантъ имѣетъ какой ни есть умыселъ зловредной противъ Викторіи; и той ради причины неотлучно преслѣдовалъ за нею. Присудствїе его ободрило нещастную сію дѣвицу, въ той надеждѣ, что онъ не оставитъ ею въ напасти, которую она неизбѣжной почитала отъ пагубнаго умыслу Дорантова, и въ томъ намѣренїи безъ сопротивленїя повиновалось воли его сѣсть въ коляску; они ѣхали во весь день ни одного слова не молвя. Викторія облокотясь на руку, горько плакала, помышляя сколько огорчитъ сей случай Мерендора и Уранію; Дорантъ же внутренно веселился, льстясь имѣть желаемой успѣхъ,

и радовался мученіями, которыя готовилъ нещастной своей сестрѣ, словомъ сказать, такія мученія, кои увѣрительно несносными уповалъ для нея быть, и чрезъ то получитъ удовольствіе желаемаго своего намѣренія.

Однакожъ Викторія не знала куда Доранть везетъ ея, и уже ввечеру о томъ свѣдала; коляска остановилась у дому, состоящаго въ лѣсу, которой Викторія почла въ мысляхъ своихъ разбойничьимъ притономъ, токмо она въ томъ ошиблась; ибо это былъ монастырь, о которомъ Доранть сказалъ ей, что она въ немъ останется жить. Видъ мѣста, которой всѣ злое предвѣщалъ, столько испужалъ нещастную Викторію, что она обмерла при началѣ свиданія съ тутошними монахинями. Сіе приключеніе тронуло нѣсколько Доранта, но совсѣмъ тѣмъ онъ не упустилъ возобновить начальницѣ наставленіе уже ей извѣстное, какимъ образомъ поступать съ Викторіей.

Доранть умѣлъ выбрать мѣсто удобное для укрытія Викторію; хотя монастыри нарочно заведены для охраненія непорочности, но совсѣмъ тѣмъ часто служатъ для вреда той. Сначала Викторія неутѣшно огорчилась, видя себя подвержену такимъ ужаснымъ обстоятельствамъ; но вспомня

вспомня о любви Мерендоровой и оклятвѣ, которая обязывала ея беречься для него, воздержалась въ той печали сколько могла въ такомъ бѣдственномъ случаѣ.

Повѣренной Уранїинъ ѣхалъ за ними до самыхъ монастырскихъ воротъ; но какъ уже тогда смерклось какъ они туда пріѣхали, то онъ не остановливаяся тутъ, возвратился назадъ въ твердомъ намѣренїи доказать Викторїи и Уранїи свое усердїе. Хотя корысть обыкновенной порокъ въ людяхъ его состоянїя, дѣйствовалъ и въ немъ, но видна была и добродѣтельная въ немъ склонность, которую Уранїя примѣтя во нравѣ его и удостоила его такою важною повѣренностью. Онъ ни въ какомъ случаѣ всуе употребленїя той и не доказалъ, такъ какъ и въ оной случай еще съ радостью пользовался способомъ симъ въ знакъ изъявленїя, до которыхъ поръ вѣрность его къ ней простирается. Назавтрѣе онъ возвратился опять въ тотъ монастырь, гдѣ была Викторїя; только, не могъ свѣдать ни отъ которой служанки мостырьской, что происходитъ съ невинной сей плѣнницей, видя же, что и въ слѣдующїе дни стараніе его безъ успѣху оставалось, онъ склонилъ одну изъ служащихъ старицъ прозьбою и подарками, объявить себѣ о томъ, и свѣдалъ, что Дорантъ привезъ туда Викторію

рію подъ именемъ такой дѣвицы, которая худымъ своимъ поведеніемъ удостоилась наистрожайшаго надъ собою надзиранія; къ тому жъ Викторія была любезна, что не мало способствовало къ умноженію непрестанныхъ ей оскорбленіевъ отъ зависти, которую къ ней возъимѣли негодныя ея сотоварищи.

Повѣренной Уранінъ тотчасъ увѣдомилъ госпожу свою о всемъ, что свѣдалъ,ославъ къ ней обстоятельное описаніе о выѣздѣ Викторіиномъ изъ перваго монастыря и о всѣмъ, что за тѣмъ послѣдовало.

Между тѣмъ, чтожъ дѣлала, и что говорила Викторія; боже мой! единственное ея утѣшеніе состояло въ размышленіи о несумнѣнной любви къ себѣ своего любовника.

„Ты меня любишь, любезной Ме„рендоръ, говорила она себѣ, добродѣ„тель твоя въ томъ меня удостовѣ„ряетъ; только не сумнѣваешся ли ты „въ моемъ постоянствѣ. Конечно нѣтъ, „ты знаешь Викторіино сердце, и то, „что оно не для инаго столь горячаго „свойства произведено, какъ чтобъ лю„бить тебя одного; такого увѣренія ко„нечно довольно для ободренія твоего „всокрушеній, что же я за то ему должна,

„и

„ и сколько обязана воздерживаться въ печа-
„ ли своей? Прѣжжай Доранть, не щади
„ жертву свою, истощи всю злость
„ свою на меня, умерти..... Я без-
„ страшно ожидаю смерти отъ твоихъ
„ рукъ, будучи увѣрена во владѣніи Ме-
„ рендорова сéрдца, чаю себя тысячу разъ
„ щастливѣе тебя.

Тѣ были разсужденія оной вѣрной любовницы, въ оборону злохищренія безсовѣстнѣйшаго; однакожъ внутренно она въ великомъ страхѣ была; всеминутно означивалось смущенное отчаяніе на лицѣ ея чрезъ розныя движенія; и недовольно что жестокосердіе неслыханное устрашало ея ожиданіемъ розныхъ оскорбленій, въ прибавокъ къ тому сожалѣніе притворное сотоварищей ея, способомъ ругательныхъ насмѣшекъ умножало ея прискорбности. Сіе ужасное состояніе претерпѣвала она во время отсудствія брата своего, которой вседневно прѣжжалъ умножать то злобными упрòками, угрозами, и всемъ, что могло только въ робость ея приводить. Но все то безъ успѣху оставалось, и Викторія сносила всѣ тѣ гоненія съ такимъ твердымъ терпѣніемъ, храбростію и снисхожденіемъ, чтобъ могла утолить, и самыя звѣрскія сердца! Напротивъ че-

го она тѣмъ только усугубляла злость немилосердыхъ сврихъ мучителей.

Уранія жъ время провождала не меньше горестно; отвѣтъ полученной отъ Викторіи, очень испужалъ ею; обращеніе, и угрозы Дорантовы предвѣщали ей слѣдствія весьма опасныя для друга ея; къ пущему жъ огорченію, Уранія принуждена была таить о томъ отъ Мерендора, которой до отчаянія дойти могъ, свѣдавъ о томъ. Токмо полученное извѣстіе нѣсколько дней спустя, о приключеніи случившемся съ Викторіей уже преодолѣло скрытность ея. Одному Мерендору могла она открыть злую ту тайну; но она не замедлила въ раскаяніе притти, что отважилась объявить ему о то. Ибо онъ столь огорченъ сталъ извѣстіемъ тѣмъ, что она не чаяла, чтобъ онъ могъ перенесть ту печаль; тогда она принуждена была забывъ собственное свое о томъ огорченіе, стараться разговаривать его, въ которомъ случаѣ ежели краснорѣчіе и премудрые разговоры ея успокоили нѣсколько печаль Мерендорову, то нимало не облехчили слабость внутренняго рвенія, отъ котораго въ здоровьѣ его видимой вредъ оказался и большая опасность въ жизни.

Въ великодушныхъ сердцахъ злополучїи не токмо уменшаютъ любовь, а умножаютъ ту; доказательствомъ чему служитъ поступокъ Уранїинъ, которая неотлучно отъ Мерендора старалась разговаривать его въ печали.

„ Великодушная Уранїя, говорилъ онъ „ей отчаяннымъ голосомъ, чѣмъ я могъ „удостоиться такихъ чувствительныхъ „знаковъ дружбы твоей? научи меня, „какимъ доказательствомъ могу изъ„явить должное мое признанїе за то?

„ Ахъ! Мерендоръ, повинуйся всегдаш„нему благоразумїю своему, отвѣчала „ему Уранїя, подумай какъ ты всегда „подражалъ оному, не ужѣ ли одинъ мо„ментъ имѣлъ силу колебнуть такую „добродѣтель? Живи, и не унывай, щастье „тебя ожидаетъ, вотъ все награжденїе, „которое я отъ тебя требую за свою „дружбу.

„ Да это не во власти моей состо„итъ, отвѣчалъ Мерендоръ, перестань „Уранїя не убѣждай меня разсужденїемъ; „и вмѣсто, чтобъ оно воздерживало меня „въ печали, оно возбуждаетъ ту во мнѣ. „Я виною погибели любезной Викторїи; „я не достоенъ больше жить.... быть „причиною нещастїя той, которую лю„бишь, продолжалъ онъ съ нѣкоторою

„ задумчивостїю, разсуди, любезная Ура-
„ нїя, можно ли чѣмъ спокоить духъ свой
„ послѣ сего.

„Я знаю состояніе гораздо мучи-
„ тельнѣе сего, сказала Уранїя, которое
„ есть любить человѣка недостойнаго;
„ обожать тварь презрѣнїя стоющую:
„ ахъ! Мерендоръ, сколько подкрѣпленїя
„ имѣешь ты въ горестномъ своемъ со-
„ стоянїи, ты самъ любишь, и увѣренъ
„ въ любви Викторїиной; и совсѣмъ тѣмъ,
„ что любовь твоя нещастна, но добро-
„ дѣтельна. Ты безстыдно можешь при-
„ знаться въ той; словомъ сказать, ты
„ любовїю своею славу приносишь чело-
„ вѣчеству.....

Окончa сїю рѣчь, Уранїя горько заплакала, чемъ заставила Мерендора почувствовать справедливость горести ея.

„ Какъ ты мнѣ жалка, Уранїя, сказалъ онъ,
„ Дамонъ, жестокосердой Дамонъ, сколь-
„ ко ты намъ нещастїй приключаешь!

О опасности въ жизни Мерендоровой вскорѣ извѣстно стало всѣмъ его знакомымъ, между которыхъ одинъ пріятель Дамоновъ зная его короткую дружбу съ Мерендоромъ не мало удивился, видя холодность заступившую то мѣсто. Въ столь же важной случай не могъ воздержаться, чтобъ не спросить Дамона

о причинѣ того чрезъ письмо, которое онъ получилъ въ самой тотъ день, въ которой Емилїя созвала къ себѣ всѣхъ въ сосѣдствѣ бывшихъ госпожъ. Не можно изъяснить горести, которую Дамонъ почувствовалъ свѣдавъ, что другъ его умираетъ. Дружба его къ Мерендору непременна была. Одна страсть любовная только могла спорить той въ сердцѣ его. Тогда столь разныя чувства подѣйствовали въ немъ равно; но какъ приключенїе настоящее всегда болѣе уязвляетъ мысли наши. Единственно будучи встревоженъ терянїемъ друга, почти не упражнялся Емилїей, которая веселымъ своимъ провожденїемъ пущую горесть ему наносила.

Полученное письмо увѣдомляло Дамона о опасности неминуемой въ жизни Мерендоровой, робость его умножалась всеминутно, и къ вечеру столь сильно одолѣла его, что онъ не въ силахъ будучи преодолѣть себя, принялъ намѣренїе самъ увидѣть состоянїе Мерендорово; онъ ушолъ тайно отъ докучающаго ему собранїя, и написавъ письмо къ Емилїи о причинѣ своего отъѣзда, съ возможною торопливостїю поѣхалъ въ Парижъ.

Уже начало смерькаться когда Дамонъ поѣхалъ, и съ великимъ поспѣше-

спѣшеніемъ торопился доѣхать въ то мѣсто гдѣ уповалъ видѣть друга, котораго нещастія возжгли корень дружбы умалившей, а не потушеннойвъ сердцѣ его.

Дамонъ ничего не вѣдалъ о злоумышленномъ поступкѣ Емиліиномъ противъ Викторіи. Виннымъ же себя признавалъ передъ Мерендоромъ въ томъ только, что не содержалъ обѣщанія своего ему, не любить Емилію. Въ чемъ надѣялся получить прощеніе, зная его природно благосклонна и самаго влюбленна. Въ сихъ расположеніяхъ онъ надежно ѣхалъ къ нему. Но приближаясь къ дому Мерендорову нѣсколько оробѣлъ, ибо со всѣми достоинствами, которыя онъ припысавалъ Емиліи, онъ не могъ не признать, что великая разность есть между его обязательствомъ съ ней, и Мерендорова съ Викторіей; въ разсужденіи чего ожидалъ выговоровъ справедливыхъ тѣмъ паче что не находилъ никакого извиненія во оправданіе свое; той ради причины вознамѣрился заѣхать прежде къ Уранiи, въ намѣреніи склонить Викторію заступить за нево; не представляя того, что ея ужъ въ домѣ у Уранiи нѣтъ.

Уранія щитала Дамона виннымъ; а робкой его видъ, съ которымъ онъ представился

ставился глазамъ ея, еще больше обвинилъ его въ мысляхъ ея, что она почла новою обидою, и тѣмъ больше означила ту досаду свою, что онъ вошедъ къ ней, ни на одинъ вопросъ свой, сколько важны оные ни были, не удостоенъ былъ ни отвѣтомъ, ни взглядомъ ея. Дамонъ же принелъ сіе обращеніе совсѣмъ въ иное, нежели въ самомъ дѣлѣ было. Онъ заключилъ изъ столь великаго ея смущенія, что уже друга его на свѣтѣ нѣтъ, которымъ случаемъ она будучи огорчена, находилась въ такой смущенной задумчивости; и будучи утвержденъ во мнѣніи семъ, обезпамятя вскричалъ:

„Чрезъ молчаніе ваше я разумѣю „постигшее злоключеніе съ другомъ мо„имъ, ахъ Уранія, я все потерялъ, ко„нечно Мерендора уже на свѣтѣ нѣтъ.

Сначала Уранія почла сіи рѣчи дѣйствомъ новой хитрости, но вдругъ увидя его рыдающа, и лицо его означенное отчаяннымъ огорченіемъ въ жалость ея привело. Заблужденіе, въ которомъ Дамонъ казался быть въ жизни Мерендоровой, служило Ураніи хорошимъ случаемъ, для укоренія его во всѣхъ злодѣйствахъ, въ которыхъ чаяла его виннымъ.

„На что притворствовать, говорила „она, такую печаль, которой совершен-

„но

„но не чувствуешь; или тебѣ мало „кажется, что ты причиною смерти „его, не ужѣ ли ты пріѣхалъ еще ру„гаться имъ и по смерти?

„Какія подлыя мысли заключаете „вы во мнѣ, Уранія, отвѣчалъ Дамонъ? „Чѣмъ я столько провинился? И можетъ „ли то быть, чтобъ я былъ причиною „его смерти, я, которой бы искупилъ „его жизнь своею кровію.

„Не стыдно ль тебѣ оправдывать се„бя будучи столь виненъ, отвѣчала Ура„нія, измѣнникъ, богъ тебѣ за то „мститель, которой ежели отпускаетъ „слабости, то никогда измѣны ни без„честнаго поступку; измѣна и безче„стной поступокъ, вскричалъ Дамонъ; „ахъ! вы, которую я столько право„судной чаялъ всегда быть и чисто„сердечну, какимъ образомъ можете вы „винить меня столь неправосудно? Я „виненъ, признаюсь тѣмъ, что не со„держалъ Мерендору обѣщанія своего не „любить Емилію, нарушилъ въ томъ „свою клятву; но ежели когда нибудь „вы чувствовали любовь, то долженъ „ли я такимъ преступникомъ вамъ ка„заться? Емилія жъ представилась мнѣ „страстнѣе всегдашняго, и доказала себя „невинной и вѣрной.

„Не-

„Невинной и вѣрной, перебила его рѣчь „Уранїя презрительнымъ голосомъ, пра„ведное небо! ужъ не слышется ли мнѣ „такое наглое извиненїе; не стыдно ли „тебѣ такъ безсовѣстно оправдать ея? „Только напрасно я удивляюсь сему, ибо „кто участникъ такихъ скверныхъ дѣлъ, „тотъ долженъ ихъ и защищать; вы„говоря такую рѣчь Уранїя, хотѣла уй„ти вонъ, но Дамонъ удержалъ ея.

„Я примѣчаю изъ рѣчи вашей та„кую тайну, которую совсѣмъ понять „не могу, сказалъ онъ ей; пожалуй изъ„ясни мнѣ содержанїе той, боже мой! „за что такъ уразно обиженъ я, въ ка„комъ скверномъ дѣлѣ Емилїиномъ со„общникомъ признаете вы меня, и ка„кимъ случаемъ я былъ причиною смер„ти Мерендоровой?

„Можно ль тебѣ того не вѣдать! „отвѣчала Уранїя, ты зналъ, что онъ „былъ влюбленъ въ Викторїю, и пото„му могъ разсудить, что похитить у „него любовницу, значитъ уморить его?

„Похитить у него Викторїю, от„вѣчалъ Дамонъ, боже мой! ежели та„кое намѣренїе въ мысль мою приходи„ло; кто это, Уранїя, оклеветалъ меня „столько вамъ?

„Письма

„Письма онаго можетъ быть довольно будетъ, для изобличенія тебя, сказала Уранія, подавъ ему то, которое Емилія писала къ Доранту, прочти, и послѣ того станешь ли отпираться въ измѣнѣ своей?

Дамонъ алчной торопливостію сталъ читать мнимое доказательство невѣдомой вины своей, котораго каждое слово въ неописанное смущеніе его приводило; „Уранія, вскричалъ онъ дрожащимъ голосомъ, не уже ли сіе письмо дошло до рукъ Дорантовыхъ?

„Мерендорово состояніе служитъ „тому вѣрнымъ свидѣтельствомъ, отвѣчала она, ежели жъ не достаетъ для „тебя лютаго удовольствія вѣдать слѣдствіе того, такъ веселись тѣмъ, и „знай, что Викторія, будучи увезена „отъ меня, подверженна такому состоянію какого горестнѣе не можно вообразить; въ дополненіе чего вѣдай и то, „что въ оборону насильства и безчеловѣчныхъ покушеній, непорочная и „добродѣтельная Викторія страдаетъ, „сокрушается, и претерпѣваетъ разныя „гоненія вдругъ: чрезъ сіе описаніе можешь ли сумнѣваться въ злополучномъ „случаѣ, которой причиною смерти Мерендоровой, и въ состояніи ли ты не при-

„знать

„знать себя содѣтелемъ таковыхъ муче-
„ній, когда только ты одинъ, неблагодар-
„ной, былъ участникъ тайны столь важ-
„ной, для сихъ злощастныхъ любовниковъ?

Не можно изъяснить послѣдуемаго отчаянїя Дамонова, отъ сего ужаснаго извѣстїя, которое столь сильно огорчило его, что Уранїя, усмотря изумленное состоянїе его, нужнымъ почла пресѣчь ту рѣчь; однако она не упустила примѣтить даже до малѣйшаго движенїя его, и очень довольна была, видя его въ такомъ раскаянїи, которое не могло истекать изъ порочнаго сердца?

Наконецъ Дамонъ, увидя столь прилѣжное ея примѣчанїе всѣхъ знаковъ его горести, сказалъ ей:

„будь свидѣтель печали терзающей
„мое сердце, которое достойно всякаго
„мученїя. Ахъ! Уранїя, какую тайну
„объявила ты мнѣ, а ты любезной Ме-
„рендоръ, съ какимъ мнѣнїемъ о мнѣ
„умираешь? Сколько оно несправедливо;
„я признанъ плутомъ, измѣнникомъ;
„такими ль качествами можешь ты по-
„рицать друга своего, или одного мо-
„мента довольно было, для совершенна-
„го превращенїя душевныхъ склонно-
„стей, и не уже ли дружба не имѣ-

„ла столько силы, чтобъ защитить ме-
„ня въ сердцѣ твоемъ? По симъ рѣчамъ
„Уранїя, заключи свое сумнѣнїе неспра-
„ведливымъ! и будь увѣренна, что не ток-
„мо я былъ сообщникомъ умысла Емилїи-
„на, весь духъ мой терзается свѣдавъ
„только о томъ.

Послѣ сего Дамонъ разсказалъ Уранїи рѣчь, которую онъ имѣлъ съ Емилїей, во время какъ помирился съ ней; и то какимъ образомъ та хитрая женщина увѣрила его, что она свѣдала тайну Викторїину отъ госпожи Дежуанвиль.

Уранїя угадала лучше Дамона хитрость, которую Емилїя употребила для свѣданїя отъ него той тайны, что дала примѣтить и Дамону, для лучшаго жъ увѣренїя его въ томъ, послала позвать къ себѣ госпожу Дежуанвиль, которая пріѣхавъ клятвенно удостовѣряла его, что не токмо она когда открывалась Емилїи въ той тайнѣ, а напротивъ сама до тѣхъ поръ не вѣдала ничего, что нижѐ сумнѣнїемъ подозрѣвала тому быть, ибо мнимой Дерикуръ очень осторожно себя велъ, чтобъ можно было угадать о томъ.

Послѣ такого изъясненїя, Дамону ужъ никакъ не можно было сумнѣваться въ хитростяхъ и злодѣйствахъ Емилїиныхъ; что его не столько озлобило противъ

ея,

ея, сколько противъ самаго себя, для чего могъ допустить такъ нагло себя обмануть.

„Мерендоръ, вскричалъ онъ, огор-
„ченнымъ голосомъ, любезной и добро-
„дѣтельной другъ, по этому я причи-
„ною смерти твоей, я жертвовалъ то-
„бою непотребной бабѣ, боже мой!
„куда дѣвалось то дорогое время, въ
„которое я былъ достоинъ дружбы тво-
„ей; въ которое я любилъ, и обожалъ
„добродѣтели твои, и лучшимъ удоволь-
„ствїемъ находилъ подражать тѣмъ;
„проклятая Емилїя погубила насъ обѣ-
„ихъ, и сердце мое стало порочно съ
„тѣхъ поръ, какъ я началъ любить ея.

Уранїя не въ состоянїи была больше укорять лехкомыслїемъ Дамона, будучи не въ силахъ долѣ скрывать участїе, пріемлемое въ признанїи его, и сердце ея уже очень оскорбленное въ пользу его, недопустило болѣе являть холодность ко всѣмъ опытамъ доказательнымъ добродѣтельнаго его сердца.

Я очень радуюсь, видя тебя въ признанїи, Дамонъ, вскричала она, не печалься, другъ твой еще живъ, хотя весьма, въ худомъ состоянїи. Свѣдавъ, что Мерендоръ еще живъ. Дамонъ хотѣлъ къ нему итти и оправдаться передъ нимъ, буде

то возможно; но Уранїя представила ему, что Мерендорь, чая его содѣтелемъ своего злоключенїя, можетъ опасному состоянїю подверженъ быть увидя его.

„Поступокъ, которой ты съ сего „время употребишь, сказала она ему, мо„жетъ только оправдать тебя, только „я того боюсь, проживетъ ли онъ столь„ко время, чтобъ самому свидѣтелемъ „сего быть? Ахъ! Дамонъ, сколько неудобные „дѣйствїи твоей неосторожности, дол„жны тебя теперь устыдить; вообрази „только, сколько ты себя укорять дол„женъ въ прошедшемъ поступкѣ своемъ? „Прости меня, ежели по должости дру„жбы я осмѣливаюсь о томъ тебѣ на„поминать.

Къ оному Уранїя пріобщила обстоятельное изъясненїе Дамону, о началѣ слѣдствїй и заблужденїй, въ которыя страсть ослѣпленная къ Емилїи ввергла его. Дамонъ признался во всемъ томъ сперва изъ учтивости, а потомъ искренно; Уранїя защищала права должности и разсудка, а можетъ быть и любви; пламя скрыто возжигающееся въ сердцѣ ея, поощряло рѣчь ея, голосъ ея былъ и грозенъ и страстенъ въ другъ; душевное ея движенїе обличалось краскою на лицѣ

ея,

ея, которая умножала красоту ея пріятствъ природныхъ, Дамонъ же смотрѣлъ на нея, и слушалъ рѣчи ея съ смущеніемъ удовольственнымъ; на силу осмѣливался дышать, чая слышать самую премудрость, истекаемую изъ ея рта. Между тѣмъ перемѣна совершенная здѣлалась въ сердцѣ его, и то что узнаніе пороковъ Емиліиныхъ начало, добродѣтель Уранїина свершила: онъ не токмо пересталъ любить Емилію, а возненавидѣлъ ея; напротивъ чего столько почувствовалъ любви къ Уранїи, что трепеталъ мысля о неблагодарности своей, за все ея знаки дружескїе, которыхъ онъ недостоенъ былъ, внутренно терзался, что допустилъ ея быть свидѣтелемъ всѣхъ своихъ заблужденїй, предпріялъ то удоблетворить, сталъ вымышлять способы къ тому, и заключилъ, что возвращеніемъ въ домъ ея Викторію наградитъ свои проступки передъ нею, и успокоитъ тѣмъ огорченное сердце любезнаго Мерендора.

„Ты торжествуешь, сказалъ онъ съ „восхищеніемъ, Уранія, пользуйся свои„мъ трудомъ; конечно ты возвратила „меня на путь истинной, для чего „только не можешь ты видѣть все дѣй„ство, тобою произведенное въ моемъ „сердцѣ; но уже съ сихъ поръ не слова-

„ми должно увѣрять вѣ томъ тебя, а „дѣлами. Боже! допусти меня имѣть „время доказать тебѣ то, и сохра„ни жизнь Мерендорову десницею сво„ею, для узнанїя премѣны во мнѣ тобою „произведенной. Я оставляю тебя . . . . „Только прошу тебя! Уранїя . . . . Не забудь „пересказать сїи послѣднїя мои слова „тому, котораго еще дерзаю называть „другомъ своимъ; скажи Мерендору, что „я поѣхалъ жертвовать жизнїю вѣ знакъ „истиннаго признанїя всѣхъ моихъ винъ. „Выговоря сїе, Дамонъ вышелъ вонъ, и поѣхалъ, Уранїю жъ оставилъ вѣ великомъ страхѣ тѣмъ скоропоспѣшнымъ своимъ отъ нея отъѣздомъ.

Дамонъ присудствїемъ своимъ, долго продержалъ Уранїю, отлучно отъ Мерендора, которая по отъѣздѣ его тотчасъ пошла къ нему провѣдать, не послѣдовало ль съ нимъ какой дурной перемѣны во время ея отсудствїя; однако нашла его вѣ томже состоянїи, упражненна Викторїинымъ злополучїемъ; извѣстїемъ же своимъ нѣсколько успокоила печаль его: ибо онъ со всею слабостїю своею, и справедливыми причинами сердится на Дамона; очень обрадовался свѣдавъ о признанїи его, великодушное сердце во всякомъ случаѣ доказывается; онъ уже при началѣ той

вѣдо-

вѣдомости почувствовалъ жалость къ Дамону, а послѣдними рѣчьми, которыя онъ къ нему приказалъ, совершенно убѣжденъ былъ. *Скажи Мерендору, что я лобзалъ жертпопать жизнїю пъ знакъ истиннаго признанїя пѣхъ моихъ пинъ*; да что жъ такое онъ предпрїялъ? ахъ! я знаю, Дамонъ храбръ, и великодушенъ; что выговоря угадалъ точное его намѣренїе.

„Уранїя, сказалъ онъ торопливымъ „голосомъ, пошли сказать Дамону, чтобъ „онъ поворотился, я трепещу намѣре„нїя имъ принятаго; здѣлай милость, „поспѣшай, польза сердца твоего тре„буетъ того, Дамонъ дерзское намѣре„нїе приняль; я его знаю, хочу видѣть „его, и говорить съ нимъ, Уранїя.... „Но отъ чего являешь ты себя столь „нечувствительну въ то время, какъ „все долженствуетъ смущать тебя.

Уранїя и сама въ томъ же сумнѣвалась, въ чемъ Мерендоръ; но не взирая на внутренное свое смущенїе, заключала, что Дамонъ инымъ заслужить не можетъ своихъ продерзостей, какъ отважною храбростїю въ пользу тѣхъ, которыхъ злополучїю онъ причиною былъ; она предви-

дѣла горесть, которую нанесетъ ей Дамонъ, ежели не предуспѣетъ въ намѣренїи своемъ; только совсѣмъ тѣмъ твердостью духа преодолѣвала смущенїе свое, и согласовалась лучше лишиться его, сколько то сокрушительно для нея ни будетъ, нежели видѣть его жива и посрамленна.

„Я столько же, или и больше тво„его рабѣю, отвѣчала она Мерендору, „только совсѣмъ тѣмъ лучше хочу поте„рять Дамона нежели, видѣть его винна.

Мерендоръ удивился разсужденїю великодушной сей женщины, но то его ободрить отъ страху не могло. И Уранїя наконецъ принуждена была послать по Дамона; только уже то поздо было, ибо она получила во отвѣтъ, что Дамонъ пріѣхавъ отъ нея домой, послалъ тотчасъ нанять почтовыхъ лошадей, и уѣхалъ не сказавъ никому, куда.

Что ты намѣренъ дѣлать, дерзкой человѣкъ, вскричалъ смущеннымъ голосомъ Мерендоръ; сколько огорчишь меня, буде погибнешь? буде жъ побѣдишь, что скажетъ Викторїя?

Нѣсколько дней протекло въ мучительномъ неизвѣстїи, Мерендоръ все пе-

печаленъ былъ, и жизнь его казалась только ожидала опредѣленія любовной его судьбины. Наконецъ оное означилось чрезъ письмо отъ Дамона къ Мерендору, подписанное на ковертѣ отъ перваго порту Аглинскаго: Мерендоръ разпечаталъ оное дрожащей рукой, и прочолъ слѣдующее:

„Нещастія мною приключенные не „меньше требовали какъ жертву жизни „моей, цѣломудріемъ одаренная Уранія, „конечно не упустила увѣдомить тебя, „Мерендоръ, о признаніи моемъ во всѣхъ винахъ; оно было искренно, и я отомъ только бога просилъ, чтобъ допустилъ меня „доказать, то хотя смертію, но щедрость „его болѣе простиралась ко мнѣ, нежели „я и желать дерзалъ; ахъ! Мерендоръ, „онъ споспѣшествовалъ мнѣ возвратить „тебѣ любовницу, веселись теперь спокойно щастіемъ, любить и быть любиму, уже для тебя не осталось препятствій никакихъ. Дорантъ смертію наказанъ за свои мерскія дѣла. Я „отыскалъ Уранінна повѣреннова, которой былъ свидѣтелемъ моихъ рѣчей „съ Дорантомъ и слѣдствіевъ съ нимъ послѣдуемыхъ; онъ можетъ тебѣ пересказать о всемъ приключившемся; что жъ

„ до меня принадлежитъ, я оставляю о-
„ течество долговременно служащее по-
„ зорищемъ моихъ заблужденій, весьма
„ щастлива почту себя, естьли лишені-
„ емъ вольности, и щастія быть съ то-
„ бою вмѣстѣ, могу возвратить твою
„ дружбу.

При окончаніи онаго письма Дамонъ объявилъ ему то мѣсто, которое онъ избралъ для своего укрытія.

Приключеніе сіе чувствительно огорчило Мерендора, всякая строка письма Дамонова причину къ тому подавала, и щастіе быть съ любовницею, которую боготворилъ, почти не утѣшало его въ горести о судьбинѣ друга своего; страхъ же непреоборимаго огорченія Викторіина, и мщенія неукротимаго фамиліи ея, въ случаѣ смерти Дорантовой, усугублялъ горесть его. Въ самое сіе время получили онѣ пакетъ отъ повѣреннаго Уранінна, содержащей два письма отъ Викторіи, одно къ Уранніи, а другое къ Мерендору, съ приложеніемъ описанія обстоятельствъ сраженія Дамонова съ Дорантомъ.

Дамонъ свѣдавъ отъ Уранніи, что она опредѣлила нарочнаго надзирателя для охраненія Викторіина, старался узнать гдѣ онъ живетъ, и при первой встрѣчѣ

съ

съ нимъ, открылъ ему намѣреніе свое увидѣться безъ свидѣтелей съ Дорантомъ, которой лишъ только началъ представлять ему способы къ тому, какъ вдругъ Дорантъ избавилъ ихъ того затрудненія; у него былъ опредѣленъ одинъ слуга для надзиранія всѣхъ происхожденій около того монастыря, въ которомъ сестра его жила, съ строгимъ повелѣніемъ примѣчать людей, которые приходить станутъ, и освѣдомляться, за чемъ; пріѣздъ же Дамоновъ и вопросы его о обстоятельствахъ и о состояніи Викторіиномъ, показались слугѣ Дорантову причиною весьма сумнительной, чтобъ не сообщить о томъ господину своему. Дорантъ вообразилъ тотчасъ того молодаго человѣка любовникомъ сестры своей, о которомъ къ нему писала Емилія, въ разсужденіи которомъ столько озлобился, что не медля поскакалъ въ то мѣсто, гдѣ слуга Дамона оставилъ, котораго увидя лютость его умножилась; и тотчасъ грубымъ голосомъ его спросилъ, за чемъ онъ тутъ пришолъ; на что не дождавшись отвѣта, сталъ Дамона ругать и пересмѣхать уразно любовью мнимой имъ къ сестрѣ своей. Но Дамонъ, избѣгая нареканія собственнаго на себя, сталъ отвѣчать ему снисходительно, объявляя ему, что по

участію

участїю пріемлемому во всемъ касающемся до Викторїи. Онъ не въ состоянїи видѣть ея претерпѣвающу такую жалкую и ничемъ неудостойвшуюся судьбиiу, пріобща къ тому, что онъ не токмо подозрительнаго чего требуетъ, а согласуется не видаться вовсе съ ней съ тѣмъ только, чтобъ она получила свободу, и вступила во всѣ тѣ правы, которыя поведенїемъ своимъ добродѣтельнымъ она заслужила.

Дерзость Дорантова вожженна была кротостїю Дамоновой, которую онъ почолъ въ трусость вмѣсто знака цѣломудрїя; но Дамонъ, не взирая на то еще нѣсколько время, съ холодною кровью сносилъ сїе; однако наконецъ увидя, что учтивость его служила жаломъ дерзостному безпутству Дорантову, сталъ сердитымъ голосомъ упрекать его въ непотребныхъ намѣренїяхъ противъ сестры своей.....

Дорантъ пріобщалъ ко всѣмъ своимъ порокамъ и отважное сердцѣ; чемъ будучи поощренъ, столько озлобился за грубыя упреки на Домона, что вдругъ бросился къ нему съ обнаженной шпагой, которой равномѣрно тожъ здѣлалъ, токмо съ презрѣнїемъ и съ цѣломудренною осторожностїю. Дорантъ былъ храбръ, но тѣмъ образомъ, которымъ звѣрство больше, нежели

жели истинная храбрость предводитъ; горячность погубила его, ибо будучи заколотъ Дамономъ, получилъ конецъ жизни и скверныхъ своихъ дѣлъ.

О смерти Дорантовой не замедлилось извѣстно быть всѣмъ со товарищамъ Викторïинымъ, которыхъ приключенïе то очень огорчило: потому что сей случай свобождалъ Викторïю изъ подъ ига, и способствовалъ ей отмстить имъ всѣ претерпѣвшïя отъ нихъ грубости. Ниодна изъ нихъ не отважилась сообщить ей о томъ приключенïи, почитая то нещастнымъ для себя; и когда повѣренной Уранïинъ пришолъ къ ней, тогда уже никоторая не осмѣлилась ему воспрепятствовать увидѣть Викторïю.

Не взирая на всѣ претерпѣвшïя отъ Доранта гоненïя, натура подѣйствовала въ сердцѣ сей добродѣтельной женщины; она горко заплакала о смерти его, и о своенравïи, въ которомъ онъ упорствовалъ до часу издыханïя: по обстоятельствамъ же свѣдавшимъ отъ повѣреннаго, она не могла Дамону тотъ случай въ вину почесть; хотя поступокъ его и немало ея удивилъ, однако она не столько старалась узнать сущую причину тому, сколько беспокоилась видя необходимость мстить ему за то: онъ былъ убïицъ

ея

ея брата, но былъ ея и благодѣтель. Какое противорѣчіе, щастіе быть сопряженой бракомъ съ тѣмъ, кого боготворила сплетено было съ люттѣйшимъ неудовольствіемъ. будучи въ сихъ размышленіяхъ, написала слѣдующее письмо къ Мерендору:

ПИСЬМО ОТЪ ВИКТОРІИ КЪ МЕРЕНДОРУ.

„Надобно столько любить сколько я тебя, чтобъ чувствовать все бѣдство моей судьбины; ахъ! Мерендоръ, „день столь благословенной, которой „возвращалъ меня къ нашей любви, долженствовалъ ли быть помраченъ убивствомъ брата моего, и пріятнѣйшее свиданіе съ тѣмъ, кого боготворю; долженствовало ли сопряжено быть съ горестью „неизбежнаго предосужденія, ежели не „скрою чувствуемой моей радости? Вообрази только ужасное мое состояніе; „натура обязываетъ меня искать смерти „тому, которой отваживалъ жизнь свою, „для свобожденія меня того лютаго мученія, которое было причиною разлученія „моего съ тобою: безразсудной Дамонъ! „надлежало ль тебѣ отваживать жизнь „и спокойствіе свое съ тѣмъ, чтобъ „под-

„подвигнуть меня лютой надобности „искать твоей погибели? Однако совсѣмъ „тѣмъ естественное правило не потуша„етъ во мнѣ здраваго разсужденїя, я „извѣстна о обстоятельствахъ зловред„наго того сраженїя, и должностїю по„читаю справедливость отдать цѣломуд„рїю друга твоего. Ужѐ Доранта на свѣ„тѣ нѣтъ, и хотя законы гражданскїе „повелѣваютъ мстить, но не воспреща„ютъ же тебѣ и защищать Дамона. Я жъ, „подрожая тѣмъ законамъ, позволяю тебѣ „стараться происки мои безъ успѣху оста„вить. Боже мой! ужѐ смертью его не воз„вратить мнѣ брата моего: а противу тебя „конечно явлю себя преступницей, равно „какъ и противу Уранїи; скажу больше, „и противу самой себя; однакожъ ты „самъ разсудить можешь, чего благопри„стойность требуетъ отъ меня. Мнѣ „не можно съ тобою, Мерендоръ, видѣть „во все время проклятаго сего слѣдствїя; „я увѣрена, что ты о мнѣ жалѣть ста„нешь, и очень справедлива тебя щитаю, „чтобъ могъ тѣмъ меня обвинить. Про„сти, и помни, что я на вѣки твоя.

Къ Уранїи жъ письмо содержанїе свое имѣло почти такое жъ съ тою розницею, что она просила ея, чтобъ не допускала Мерендора печалиться; и запечатавъ оба

сїи

сїи пи́сьма Викторїя отдала ихъ повѣренному Уранїину, которой, запечатавъ ихъ въ одинъ пакетъ, отослалъ тотчасъ къ госпожѣ своей.

„Мерендоръ прочтя письмо, вскри„чалъ; ахъ! великодушная любовница, „сколько цѣломудрїя являешь ты въ сво„емъ нравѣ, которой плѣнилъ сéрдце мое, „сколько наслаждаешь ты тѣ маменты, „въ которые я почувствовалъ любовь „къ тебѣ, конечно съ тѣхъ поръ толь„ко я началъ пользоваться щастїемъ „бытїя своего.

Но ежели дружба Мерендорова къ Дамону и желанїе исходатайствовать прощенїе ему, способствовало ему съ терпѣнїемъ сносить отсудствїе Викторїино, то онъ не въ состоянїи былъ безъ огорченїя напоминать себѣ, что она остается жить безъ утѣшенїя въ такомъ городѣ, въ которомъ, хотя и родилась, но никогда не имѣла случаю ни съ кѣмъ короткаго знакомства свести, въ которой печали дружба Уранїина успокоила его; ибо она согласилась ѣхать къ Викторїи съ тѣмъ, чтобъ тамъ жить съ ней до окончанїя того слѣдствїя; однако вѣдомость сїя прїятная, произвела такую премѣну въ здоровьѣ Мерендоровомъ, что онъ совсѣмъ изъ опасности вышелъ, въ намѣренїи

кото-

которомъ Уранія и назвалась тѣмъ утѣшить его, которымъ намѣреніемъ Мерендоръ чувствительно обрадованъ былъ, и Уранія поѣхала въ монастырь къ Викторіи, въ которомъ свѣдала, что фамилія ея съ прискорбностію, узнавъ о строгомъ содержаніи, любезную сію дѣвицу въ томъ монастырѣ, увезли ея оттуда, и Уранія поѣхала въ * * * гдѣ была Викторія. Не можно изобразить радостнаго свиданія страстныхъ сихъ друзей, тѣмъ паче, что послѣ разлученія, послѣдуемаго такими огорчительными обстоятельствами, онѣ не уменшили нимало другъ къ другу дружбы искренной, и свободны стали всѣхъ гоненій; сколько было приговоровъ! и сколько цѣлованія! Я не предприму описавать того, будучи не въ состояніи изобразить тотъ пріятной случай. Уранія разсудила утаить отъ Викторіи о опасности, въ которой находилась жизнь Мерендорова ибо для огорченія ихъ довольно было изключенія Дамонова.

Челобитная на него уже подана была, и для той причины Мерендоръ не дождавшись совершеннаго исцѣленія отъ болѣзни, сталъ стараться о защищеніи его, обще съ фамилѣею Дамоновой, прибѣгъ къ предстательству наисильнѣйшему, и не

упустилъ ничего, что могло ихъ склонить въ пользу его друга. Доранть подалъ случай всей своей фамилїи злобствовать на себя, которые не столько мщенїя ради, какъ по должности любочестїя вступили въ судъ. Викторїи жъ хотя слѣдовало больше всѣхъ явить себя искомъ того, но она очень молода была, чтобъ стараніе то отъ ея воли зависило; и такимъ образомъ она съ удовольствїемъ увидѣла себя тогда принуждену согласиться сомнѣнїемъ сродниковъ своихъ. Которые за лучшее избрали оставить дѣло, коего успѣхъ имъ сомнителенъ казался, не имѣя никакихъ доказательствъ противъ Дамона. И какъ скоро представили имъ съ стороны соперника желаніе примириться, то они тотчасъ согласились на то, и кончили судъ, и сїе зловредное приключеніе было предано забвенїю, вмѣстѣ съ памятью посрамленнаго Доранта.

Мерендоръ съ нетерпѣнїемъ ожидалъ окончанїя дѣла сего, чтобъ тѣмъ скорѣе обрадовать друга своего, при увѣдомленїи которомъ увѣщевалъ его скоряе пріѣхать пользоваться знаками взаимной дружбы, пріобща къ тому, сколько онъ желаетъ, чтобъ онъ почувствовалъ всю цѣну благополучїя, которое его ожидаетъ.

Чрезъ

Чрезъ сїю рѣчь Мерендоръ говорилъ ему о любви Уранїевой; но Дамонъ былъ весьма упражненъ возобновленнымъ къ ней чувствомъ, чтобъ могъ угадать то его намѣренїе; онъ уже писалъ къ Уранїи по отъѣздѣ своемъ, на которое письмо имѣлъ отвѣтъ столь чувствительной и столь убѣждающей его подражать тѣмъ похвальнымъ намѣренїямъ, въ которыхъ онъ ею увѣрялъ при послѣднемъ свиданїи, что онъ не переставая читалъ то ею письмо, и вся мысль его упражнена была перемѣнно то удивленїемъ цѣломудрїю, которое предвождала перо ея, то краснорѣчїю, которое она употребила для изъясненїя тѣхъ своихъ мыслей; словомъ сказать, тѣмъ только и упражнялся, что служило знакомъ любви его къ Уранїи. Сердце Дамоново не для инаго свободилось Эмилїиныхъ цепей какъ для окованїя себя достойнѣйшими его: однакожъ духъ его тревожился предвѣщанїемъ худаго успѣху въ новомъ семъ обязательствѣ.

„Какое новое чувство испытываю я, „говорилъ онъ, по размышленїй о своихъ „продерзостяхъ? И сколь оное розно съ „тѣми, которыми я прежде наслаждался. „Уранїя!.... Но возможно ли, чтобъ та „Уранїя, которую я никогда не умѣлъ

„довольно узнать и эстимовать, чтобъ „та Уранїя, которая свидѣтелемъ была „многократно моихъ заблужденїй: удо„стоила бъ примѣтить мою любовь. . . . „Или я забылъ, что я заслужилъ вѣч„ное ея презрѣнїе . . . . Уранїею, быть „презриму . . . . Возвращался онъ на свою „рѣчь, ахъ! сколько тревожитъ меня „лютая сїя мысль; но она слышала рас„каянїе мое, и видѣла отчаянїе, а вось „либо хотя то въ жалость ея привело. „Письмо жъ ея не содержитъ ни нена„висти, ни презрѣнїя, въ немъ я не на„хожу кромѣ дружескихъ совѣтовъ; она „тужитъ обо мнѣ, уговариваетъ меня полѣ„зоваться злоключенїемъ моимъ, чтобъ „чрезъ то научиться предь побѣждать „слабости свои; но не ужъ ли и лю„бить ея въ числѣ тѣхъ слабостей? „Конечно нѣтъ, любезная Уранїя, обо„жать тебя, суть предметъ здраваго разсужденїя, торжествуй же. О! „коль благословенное чувство царству„етъ въ томъ сердцѣ, которое давно „слѣдовало быть твоимъ, конечно: „ежели я осужденъ и вѣчно презрѣнъ „быть ею, совсѣмъ тѣмъ очень ща„стливымъ себя назову, умереть боготво„ря ея.

Въ самое сїе время онъ получилъ письмо отъ Мерендора, которое тѣмъ паче его обрадовало, что оное увѣдомляло его, что ему можно возвратиться въ отечество свое, въ которое дружба, равно какъ и страстная любовь, стремили его желанїе возвратиться; ежели онъ не осмѣливался обнадеживать себя взаимной любовїю Уранїевой, по малой мѣрѣ веселился тѣмъ, что ея увидитъ, станетъ съ нею говорить, которое удовольствїе казалось ему тогда дороже всего въ свѣтѣ.

Между тѣмъ Мерендоръ поѣхалъ въ то мѣсто, гдѣ его любезная пребывала, будучи тогда уже совершенно здоровъ, Викторїи же нужды не было уже скрывать удовольствїя своего свидясь съ нимъ.

„И такъ мы опять увидѣлись, Мерендоръ, ахъ Викторїя! любовь насъ „вновь соединила, выговорили они оба „вдругъ, какое благополучїе, такъ ли „тебѣ оно дорого, какъ мнѣ, чувствуешь „ли ты столько радости отъ того, „сколько я! уже всѣ препятствїя миновались, щедрость божїя совершаетъ „наше желанїе, дорогой любовникъ, обожаемая любовница, сколько прискорбностей „претерпѣли мы, но сколько жъ и награждены за то!

Между тѣмъ Уранія старалась склонять фамилію Викторіину въ пользу Мерендорову, прославляя имъ достоинство и добродѣтели его, изъясняя всѣ доказательства любви его къ ихъ сродницѣ, и взаимной ея любви къ нему, словомъ сказать, склонила ихъ согласиться на желаемой бракъ сими взаимно обязавшимися любовниками.

Мерендоръ изумленъ былъ радостною сей вѣдомостью; новой опытъ Уранїиной дружбы, достоинъ былъ ево признанія, которую онъ возблагодаря чувствительными словами, сталъ торопиться, сколько могъ скоряе, предуготовленіями къ окончанію того своего благополучія. Наконецъ день назначенной для ихъ сочетанія наступилъ, и Мерендоръ съ Викторіею пошли къ вѣнцу. Разсужденіе и любовь служили имъ предводительми, непорочность и добродѣтель сотовариществовали; и безъ всякаго убранства Викторію украшала одна природная красота, въ чемъ Мерендоръ послѣдовалъ ей. Клятвенное обѣщаніе любить другъ друга вѣрно не иное что было, какъ повтореніе тѣхъ, которыми они уже стократно обязались, такъ искренность, и тожъ чистосердечіе присудствовало притомъ, и такъ могло ли то когда колебнуться?

Уранія

Уранїя участница была ихъ торжества, будучи столько обрадована тѣмъ, что съ радости плакала, многократно цѣловала Викторїю, а Мерендора увѣряла въ томъ изъясненїями дружескими.

„ Будьте щастливы, говорила она имъ „ радостнымъ голосомъ, въ томъ заключаетъ единственное удовольствїе свое „ страстная Уранїя. Боже! помоги тебѣ „ столько жъ быть, сколько мы есть, отвѣчали оба вдругъ новобрачные. Ахъ! „ любезная Уранїя въ благополучїи нашемъ „ только не достаетъ удовольствїя видѣть „ тебя, столько жъ щастливу, сколько „ мы; сего только желаемъ, и надѣемся . . . .

„ Оставимъ сїю рѣчь, сказала Уранїя „ вздохнувъ, я тѣмъ не льщусь, и желать „ не смѣю того: видѣть васъ щастливыхъ, „ и пользоваться безпрерывно дружбою ва„ шей, въ томъ все мое желанїе состоитъ,

„ Можно ли намъ отмѣнить свою дружбу отъ тебя, отвѣчалъ на то Мерендоръ „ и Викторїя, все отвѣтствуетъ въ томъ „ тебѣ, любезная Уранїя, и все утверждаетъ тебя въ непоколебимой дружбѣ „ двухъ сердецъ страстныхъ и вѣрныхъ, „ сердечная склонность, estima и признанїе „ суть знаки, которые славу приносятъ

„любви нашей къ тебѣ, и заслуживаетъ „славу имени друзей твоихъ.

Послѣ сихъ рѣчей Мерендоръ обратился къ боготворимой своей Викторіи.

„Я твой, а ты моя любезная Виктоpія, сказалъ онъ, теперь уже богъ „благословилъ ту клятву, которою „такъ давно мы обязались другъ другу, „только могу я столько щастливъ быть, „чтобъ совершившееся наше сочетаніе „вѣчно не колебнуло любви твоей ко „мнѣ?

„Можешъ ли въ томъ ты сомнѣваться, отвѣчала страстнымъ голосомъ Виктоpія: разсужденіе, будучи началомъ „любви моей, не уже ли не довольное доказательство для удостовѣренія тебя „въ моей твердости?

„Прости мнѣ сей вопросъ обожаемая „супруга, сказалъ Мерендоръ, цѣловавъ „съ восхищеніемъ Викторію, не почти „онаго дѣйствіемъ обиднаго сумнѣнія мо„его противъ тебя; единственное удовольствіе слышать твои увѣренія, что вѣчно „меня любить не перестанешь причиною „того вопросу; вомзду чего будь несомнѣнна въ вѣрности моей, и знай, что Мерендоръ прежде умретъ, нежели на моментъ „перестанетъ боготворить тебя.

Нѣ-

Нѣсколько дней, послѣ сей свадьбы, Мерендоръ возвратился въ Парижъ, съ Уранiею и съ Викторiею, гдѣ Дамонъ уже ожидалъ ихъ съ тѣмъ нетерпѣнiемъ, которое обыкновенно имѣютъ влюбленные люди; благопристойность не дозволила ему прiѣхать туда, гдѣ были Дорантовы сродники, присудствiе Дамоново обрадовало очень Мерендора; Викторiя жъ много имъ одолжена была, чтобъ могла долго сердиться на него, довольно того, что она тогда, какъ свѣдала о томъ приключенiи, чаяла себя обиженной имъ; и такъ она охотно согласилась увидѣть его, и въ самомъ короткомъ времени, помощiю добродѣтельныхъ качествъ въ немъ, она обязалась и дружбою съ нимъ.

Дамонъ долго не смѣлъ отважиться открыть Мерендору о любви своей къ Уранiи; когда жъ началъ о томъ ему сообщать, то такимъ смущеннымъ голосомъ, что Мерендоръ въ искренности того сумнѣваться не могъ: чему хотя онъ очень обрадовался, совсѣмъ тѣмъ умѣлъ скрыть то свое удовольствiе отъ Дамона по той причинѣ, что онъ не вѣдалъ настоящихъ намѣренiй Уранiиныхъ въ томъ случаѣ, и для того хотѣлъ испытать твердость сердца его, и притомъ оставить

ему самому славу торжествовать побѣдою той любезной женщины. Такимъ образомъ Дамонъ очень встревоженъ былъ неизвѣстіемъ опредѣленія любви своей, ибо онъ только во отвѣтъ получилъ отъ него совѣтъ, не упускать ничего возможнаго удостоиться щастія желаннаго; обнадежилъ же его только тѣмъ, что страстное и добродѣтельное сердце всего можетъ ожидать отъ столь чувствительной и справедливой души, какую имѣетъ Уранія.

Для умноженія жъ удовольствія Уранінна, Мерендоръ оставилъ ей самой примѣтить страсть Дамонову къ себѣ: открылъ же только о томъ Викторіи одной.

Что больше сердце нѣжности чувствуетъ, то меньше льстится искреннимъ возвратомъ; все опасается быть обмануто. Уранія скоро примѣтила любовь Дамонову къ себѣ; только почла ту неосновательной; и для того остерегалась показать себя чувствительной тому. Дамонъ же не смотря на холодность ея, ничего не упускалъ ко истребленію ея сумнѣній, и не столько рѣчьми, сколько безмѣрно робкимъ поведеніемъ старался въ любви своей ея утверждать; нечаянной случай въ томъ больше способствовалъ ему, нежели онъ когда льститься могъ.

Дамонъ

Дамонъ давно збирался написать къ Емилїи, чтобъ она не ожидала возврату его къ себѣ, которое намѣреніе онъ принялъ вскорѣ послѣ, какъ отъ нея къ Мерендору поѣхалъ, въ прибавокъ къ чему хотѣлъ объявить, чтобъ она не щитала больше никакого права имѣть въ сердцѣ его; исполнилъ же оное во время пребыванїя своего въ Англїи. Письмо его наполнено было упреками въ хитростяхъ ея, и во вредѣ которой она приключила въ почтенномъ обществѣ, также нравоучительнымъ разсужденїемъ о пользѣ, которую бъ она могла еще пріобрѣсть отъ слабости его, ежели бъ она, слѣдуя благоразумїю послѣ первой ссоры съ нимъ, не продолжала бы скверныхъ своихъ дѣлъ: однако сїе письмо уничижило нѣсколько самолюбїе Емилїино, а нимало не устыдило, и будучи увѣрена опытомъ владычества своего надъ Дамономъ, не отчаявалась опять истребить принятое имъ намѣреніе, и вновь побѣдить его: въ расположенїи которомъ коль скоро свѣдала о возвратѣ его въ Парижъ, то стала употреблять всевозможные способы свидѣться съ нимъ безъ свидѣтелей; но цѣломудрїе Дамоново испровергло всѣ способы къ тому. Осторожность его простиралась

до

до тѣхъ поръ, что всѣ пйсьма, которыя она писала къ нему, онъ возвращалъ къ ней не распечатывая; когда жъ нечаянно случалось ему съ ней встрѣтиться, тогда онъ отвсюду уѣжжалъ, не допуская ея ниже близко къ себѣ подойти, помощію котораго обращенія, Дамонъ свободилъ себя отъ докукъ Емилйиныхъ.

Мерендоръ старался убѣждать Уранію твердостію и скромностію Дамоновой; въ чемъ безтрудно предуспѣлъ, токмо она опасалась еще обнадежить Дамона возвратомъ любви своей, и по той причинѣ ровно три мѣсяца скрывала то намѣреніе свое. Постоянство Дамоново довольно испытано было столь долгимъ ожиданіемъ: онъ во все то время инако желаніе и нетерпѣніе свое не доказывалъ, какъ покорностію, почтительнымъ обращеніемъ и непрестанными вздохами. Такая строгость противу Дамона въ жалость привела Мерендора и любезную его Викторію, которые стали осуждать Уранію тѣмъ упорствомъ.

„Для чего столько жестокосердія „являешь ты противу самой себя, ска„зала въ одинъ день Викторія ей? Ты „довольно уже время имѣла для опыту „любви Дамоновой къ себѣ, которой во

„всѣхъ

„ всѣхъ случаяхъ доказывалъ тебѣ по-
„ стоянство и кротость свою. Прежде
„ сего ты столь страстно любила его,
„ не ужъ ли нынѣ уже отмѣнилась, и въ
„ то время когда ты любила Дамона не-
„ чувствительнаго, какимъ образомъ мо-
„ жешь холодностию платить, видя его
„ страстна и вѣрна?

„ Ты мало знаешь сердце мое, когда
„ о мнѣ такъ разсуждаешь, отвѣчала
„ Уранія! Оно никогда страстнѣе и чув-
„ ствительнѣе не бывало, какъ теперь
„ есть къ Дамону; но, любезной другъ!
„ или ты чаешь, что я могу надѣяться
„ на вѣрность его?

„ Одинакое обращеніе, которое онъ
„ такъ долго продолжаетъ, сказала Ви-
„ кторія, и твердость его противъ иску-
„ шающихъ Емиліиныхъ стараній, въ
„ самое то время, въ которое ты огор-
„ чаешь его знаками постоянной холод-
„ ности, не довольно ль было бы?....

„ Признаюсь въ томъ, отвѣчала Ура-
„ нія, и въ прибавокъ скажу, что мнѣ
„ великаго труда стоило скрывать умно-
„ женіе любви моей, которое сіи обстоя-
„ тельства произвели въ сердцѣ моемъ
„ къ нему; но я столько разъ въ немъ
„ ошибалась....

Лишъ

Лишь только Викторїя хотѣла отвѣчать, какъ вдругъ Дамонъ, выслушавъ часть разговору ихъ, вошелъ къ нимъ, и сталъ самъ защищать любовь свою противъ Уранїи.

„Или вѣчно вы сумнѣваться станете во мнѣ, любезная Уранїя, сказалъ онъ ей ставъ на колѣни? И не уже ли навсегда примѣромъ признавать станете поступокъ, мною веденной во время заблужденїя и ослѣпленїя? Отчаянїе мое, и признанїе, которое я при васъ многократно изъяснялъ во всѣхъ своихъ продерзостяхъ, большую часть сокрушенїя, о которомъ вы и не вѣдаете, не должно ли было бы увѣрить васъ въ твердой премѣнѣ, кою вы во мнѣ произвели? И ежели еще вы сомнѣваетесь въ моей искренности, спросите у любезной Викторїи, и у справедливаго Мерендора, которые столько жъ, или еще и больше друзья вамъ, нежели мнѣ: они оба свидѣтели были моихъ заблужденїй, будучи тѣхъ и жертвою; однако въ любви моей онѣ нималаго сомнѣнїя не имѣютъ: послѣдуйте ихъ совѣту, и удоблетворите любовь мою взаимностїю. Вы причиною, что я повиновался здравому разсужденїю, которое вы же плѣнили любовїю нѣжною,

„ нѣжною; во мзду того согласись, лю-
„ безная Уранїя, быть и побѣжденною
„ тѣмъ.

Мерендоръ очень во время пришолъ подвигнуть Уранїю къ исполненїю того, которую только стыдъ воздерживалъ въ томъ; что онъ угадавъ, перебилъ рѣчь Дамонову, и сказалъ веселымъ видомъ.

„ Я отвѣчаю въ согласїи ея, и взявъ
„ ея руку, которую подавая Дамону, ска-
„ залъ: Уранїя! не оставь меня въ словѣ;
„ ты превратила Дамона изъ человѣка
„ овладѣвшаго порочными слабостьми, лю-
„ бовникомъ страстнымъ, кроткимъ и
„ добродѣтельнымъ: словомъ сказать, про-
„ свѣтила его премудростїю, теперь поль-
„ зуйся своимъ трудомъ, желаю, чтобъ
„ богъ благословилъ тебя благополучїемъ
„ толь совершеннымъ, сколько есть то,
„ которое я имѣю, боготворя жену свою.

Сердце Уранїино было очень согласно съ рѣчью Мерендоровой, чтобъ долѣе упорствовать желанїю Дамонову: она призналась въ чувствуемой любви къ нему, и тотже часъ помолвили ихъ, за чемъ не медля свадьба послѣдовала безо всякой же церемонїи, по примѣру свадьбы друзей ихъ. Я не предпринимаю описывать радости и удовольствїя сихъ совокупившихся любовниковъ, а оставляю сердцамъ испы-

испытавшимъ любовь нѣжную, по сеѣ то вообразить. Въ заключеніе сего имѣю донесть только то, что они будучи на вѣки обязаны непоколебимою любовью и дружбою, склонность сердечная, эстима и Философія обще способствовали непрерывному продолженію блаженства достойнаго ихъ добродѣтели: словомъ сказать, такого, какое рѣдко въ свѣтѣ случается.

КОНЕЦЪ.

8р инв. 18960